

МАЖОРЫ
наследники

ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

Не дерзи мне,

ДЕВОЧКА!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евсения Медведева

Не дерзи мне, девочка!

<https://litres.ru/74359807>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Думаешь, раз ты богатенький сынок, тебе всё можно? Купишь меня, Лютаев?! — кричит разъяренная блондинка, задыхаясь от ярости.

— Покупают то, что имеет цену. А ты сама придешь ко мне, Мышка. Бесплатно, — шепчу я ей на ухо, наслаждаясь тем, как она дрожит в моих руках.

Илья Лютаев привык побеждать. На льду ему нет равных, а девушки готовы ради него на всё. Его мир — лёд, деньги и всеобщее обожание. Её мир — запах хлорки, унижение и одна тайна.

Он хотел её приручить. Она - выбросить его из сборной.

Но что, если это любовь, как в сказке?

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	57
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	78
Глава 11	89
Глава 12	94
Глава 13	111
Глава 14	122
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Евсения Медведева

Не дерзи мне, девочка!

От автора

Все события и герои вымышлены! Персонажи далеки от идеала, но иначе нам было бы скучно! Приготовьтесь к горячим откровенным сценам (18+).

Также напоминаю: употребление табака и алкоголя вредит здоровью, а игры с запрещенными веществами влекут уголовную ответственность. Приятного чтения!

Глава 1

Только не смотри! Маша, только не смотри...

Вновь и вновь повторяла я самой себе, проталкиваясь между толпой полуголых и влажных от пота парней.

Они горланили гимн своего хоккейного клуба «Демоны», пиво из пластиковых стаканчиков лилось нескончаемым водопадом, и я уже была мокрой с головы до ног. Но никто не обращал на меня внимания...

Я к этому привыкла. Быть серой мышкой среди кровожадного прайда. Да меня даже зовут Маша... Чего я хочу от этой жизни?

Но если в другой ситуации мне было бы обидно, то сейчас я была благодарна своему природному дару оставаться незамеченной.

Я — уборщица, хотя в трудовой гордо написано «менеджер по чистоте». Вот только в спектр обязанностей этого менеджера входит драить залитый пивом и сладкой водой пол, собирать мокрые потные майки, убирать бутылки и мчаться куда угодно по малейшему указу директора команды. Собственно, как сейчас...

Я то и дело напарывалась на мужские накачанные спины, лязг коньков оглушал, из динамиков лупил тяжелый металл. Этот пронизывающий насквозь звук бил по нервам, добираясь до дремлющего адреналина даже у меня. Что уж гово-

ритель о здоровенных быках в хоккейной форме?

Они бесновались, празднуя очередную победу, а я молилась, чтобы они поскорее отправились на выездной матч среди молодежных команд. Тогда на арене снова будет тихо и спокойно.

Я чуть пригнулась, пытаюсь понять, для чего Света меня сюда отправила. Ничего криминального... Обертки от шоколада, боксы от жирной еды, которой тренер пытается заглушить их дефицит калорий после матча, и море мокрой вонючей формы.

Первый год я постоянно боролась с отвращением, а теперь привыкла...

Мне бы спросить, зачем звали, но боюсь, мои сто шестьдесят сантиметров, упирающиеся им в грудь, не привлекут внимания, поэтому я продолжила искать причину сама.

— Савин, заткнись! — раздалось откуда-то справа, а после мимо моей головы пролетело что-то тяжелое и темное. Я замерла, но всего на секунду, а после нагнулась и продолжила свой путь.

— А ты, Добрынин, молись! — мощный рык разлетелся над головами, и я снова инстинктивно пригнулась, чтобы в темечко ничего не прилетело, но тут же пожалела...

От рывка я всего на мгновение потеряла равновесие, сложенная тележка без одного колеса дернулась и начала заваливаться, увлекая меня за собой. Я размахивала руками, пыталась за что-нибудь схватиться, а когда удалось, впилась

пальцами, но сделала только хуже!

Мощный взрыв, скрежет бьющегося стекла и поток пенной вонючей жижи рванул вверх мощным фонтаном.

Толпа парней, что ещё несколько минут назад не замечала меня, внезапно расступилась, образуя вокруг моей тушки плотное кольцо, а музыка стихла.

Я позорно распласталась в центре раздевалки, не чувствуя тела. Удар о бетонный пол был такой сильный, что перед глазами летали звёздочки, а ещё я забыла, как давать команды ногам, ведь сейчас все, чего мне хотелось — сбежать отсюда!

— Э, криворукая, это был наш запас пива, — вдруг раздалось над головой, я распахнула глаза, уставившись в искаженное яростью лицо вратаря. Фёдоров, кажется?

— Какого черта... Это что — девчонка? Парни, а тренер не соврал, когда пообещал, что за победу нам будут призы, — хохотнул второй, и вот уже толпа улюлюкала, громяя пошлыми шуточками. — А ты чего такая маленькая? Тебя на всех не хватит...

Я боялась пошевелиться, потому что лежала в груди стекла. Под руками все хлюпало, а в глазах стояли слезы. Я так давно не чувствовала позора, что уже стала забывать его горький вкус.

— А ты, Савин, пропустишь, — грохнул смехом вратарь, в шутку отталкивая светловолосого здоровяка.

— Угомонитесь, звери!

Внезапный крик, заглушивший море голосов, был таким

мощным, что я зажмурилась. Не слышала ни своего сердца, ни единого шороха... А когда пауза затянулась, повернула голову к душевым кабинам, обнаружив в приоткрытой двери голого здоровяка.

Лютый... Илья Лютаев, прославленный нападающий «Дьяволов».

Он знаменитость нашего города... Легенда! Самый завидный жених, сын богатеньких родителей, красавчик и источник неприятностей для всех девчонок.

И лишь я знала его настоящего... Никакая он не звезда, а обычный убудок! Но ничего... Сегодня я упала, а завтра со своего пьедестала свалится он!

Однако, несмотря на злость, осевшую пекучей перчинкой на кончике языка, я продолжала на него пялиться.

Уж слишком идеально он был сложен. Молодой сильный жеребчик. Его тело как произведение искусства или манекен на уроке биологии: каждый мускул очерчен, кожа лоснится, переливается каплями воды. Фактурная грудь, прорисованные кубики пресса, темная дорожка волосков, убегающая между косых v-образных мышц. Они были похожи на стрелки или на указатели, ведущие к святым святым мужчин. Я едва не взвизгнула, чуть машинально не двинувшись по указанному направлению, и подняла взгляд к его лицу...

Он небрежно отбросил мокрые, сильно отросшие волосы, будто нарочно давал возможность полюбоваться собой.

Засранец... Засранец с неимоверно выразительными го-

лубыми глазами.

Он долго... слишком долго смотрел на меня, привалившись к дверному косяку. Наслаждался моим унижением, моей растерянностью, упивался мгновением власти, ведь по его указу даже время останавливалось в команде. И вдруг ощерился и лениво, будто нехотя, затянул вокруг бедер полотенце и с грацией хищника двинулся напрямик на меня.

— Кэп, эта безрукая кокнула всё пиво! — завопил вратарь и с досадой отпихнул остатки разбитых бутылок под скамейку, чем сделал только хуже. Так бы я за пару минут собрала стекло, а теперь до утра мелкие осколки выковыривать...

— Ты вообще кто? — вратаря вдруг оттолкнули в сторону, и надо мной навис другой полуголый парень. Его лицо было знакомо, но фамилии вспомнить не могла. — Ты что, извращенка? — он игриво пошевелил бровями. — Подглядываешь за голыми мужиками? Так ты только скажи, я тебе, милая, все покажу и даже...

Чёрт!

«Маша, соберись и скажи хоть что-то!» — орала я самой себе, но сделать ничего не могла, и из оторопи меня не вывел даже истошный визг.

— Что случилось? — раздался тонкий противный женский голосок, и следом из душа, поспешно поправляя алое платье, вышагнула высокая брюнетка.

Её платье было мокрым, щеки горели свекольным цветом, глаза бегали, а розовая помада размазана по подбородку. Все

буквально кричало о том, что она в душе явно не спинку Лютаеву натирала.

Алла Кобак... Директор по связям с общественностью и, по совместительству, дочь директора клуба. А ещё самая гнилая сука, что когда-либо встречалась на моём пути.

— Боже! Ты что здесь устроила? — завопила она, но Лютаев вдруг вскинул руку, и её голос стих.

Алла с возмущением смотрела, как Лютаев движется в мою сторону, и взгляд её растерял мягкость, превращаясь в два жгучих уголька, сомкнувшихся на мне. Лицо транслировало отвращение и брезгливость, она вывернула верхнюю губу, словно я для неё мусор.

— Ходячее недоразумение! — завопила брюнетка и бросилась через толпу к выходу, вереща имя старшего менеджера: — Света! Твоя новенькая разрушила всю раздевалку!

— Кэп... Она...

— Заткнись, Фёдоров, — рыкнул Лютаев на вратаря и навис надо мной, предусмотрительно стянув концы полотенца в кулаке. — Слышь, мелкая, ты что тут забыла?

— Мне... Мне сказали убрать в раздевалке, — мой голос превратился в писк полевой мышки, я задергалась, но вдруг ладонь пронзила острая и отрезвляющая боль.

— Вали отсюда, мышь серая, пока и правда не уничтожила раздевалку, — снова прохрипел вратарь. Его лицо было искажено отвращением и злостью... И от этой концентрации стала накатывать тошнота.

Золотые мальчики, секс-символы университетов, носители известных фамилий. А внутри все черное, гнилое и смердящее! Им важна картинка — достаток, дорогая тачка, батарея поклонниц. А других людей для них не существует.

От концентрации всеобщей ненависти меня стало подташнивать. Хотелось убраться отсюда поскорее.

— Фёдоров, ты тупой? Я же сказал — спрячься! — Лютаев внезапно протянул мне руку, а заметив мое замешательство, принудительно подхватил за локоть и поднял на ноги.

Боже, какой он огромный... Широченные плечи, узкие бедра, пугающая вязь татуировок, уходящая с предплечий прямо на шею. Это были не просто линии, они изгибались, образуя какие-то символы, иероглифы. И так хотелось рассмотреть их, легко пробегаясь пальчиками.

— Но, кэп... — вратарь начал заикаться, не находя смелости возразить капитану своей команды. Он будто даже побледнел от ужаса.

— Я сейчас позову тренера, и он сразу поймёт, с какого перепуга ты буллит простейший взять не можешь! Пиво он притащил! — зарычал Лютаев, а после разжал мою больную ладонь и, не мешкая, вырвал осколок. Я было взвизгнула, ожидая увидеть кровь, но Лютаев ласково прошелся пальцем по кисти руки и зажал порез. — Савин, убери этого придурка, пока я башку ему не открутил.

— Фёдоров, правда, валил бы ты... Видишь, кэп не в духе, — светловолосый красавчик словно только и ждал коман-

ды, а после оттолкнул вратаря к скамейке. — Мелкая, а ты бессмертная. Обломала кэпу секс, теперь, видишь, он на нас срывается. Ну так что? Смотреть будешь?

Блондинчик дернул бровью и начал поигрывать грудными мышцами. Толпа заулюлюкала, слышались удары клюшками, сливающиеся с диким хохотом.

— Заткнись, Савин, — Лютаев не смотрел на меня, просто схватил за плечи и двинул к выходу, заставляя команду расступиться. — Беги, мышка... И больше не входи в раздевалку без охраны.

— Слышь, я тебе не мышка, — вдруг огрызнулась я, пытаюсь вырвать руку, но именно в этот момент Лютаев вновь сжал пальцы, удерживая меня в опасной близости с собой. — Тоже мне — защитничек!

Я задыхалась... От него веяло жаром, как от печи в бане, а ещё пахло чем-то сладким, вкусным. И в совокупности с острым взглядом ощущения утраивались. Да, я ответила ему, но что-то мне подсказывало, что сделала я это зря...

Уйди я молча, Лютаев бы уже через час забыл о моем существовании, но сейчас в его глазах что-то изменилось. Появился лютый огонёк и... азарт?

— Тогда будешь малая. Или мышка... Тут уж сама выбирай, — он дернул плечами и вдруг заскользил взглядом от лица вниз...

На мне была форма: серые легинсы, синяя футболка с логотипом клуба, старые потертые кеды с нарисованными звез-

дочками в местах, где были дырки.

Боже, он смотрел, будто никогда меня не видел. Не замечал, когда я разносила сухие полотенца, когда забирала в стирку их форму, когда самостоятельно загружала огромные бутылки воды в кулер. Я была привидением... И эта роль мне очень нравилась.

— Пошёл ты, — процедила я и снова попыталась вырвать ладонь, не замечая режущей боли от пореза.

— Не дерзи мне, девочка, могу и обидеться, — цыкнул он, а после разжал пальцы и скрылся в раздевалке, звонко хлопнув дверью у меня перед носом.

Придурок!

— Вот она! — тишину разнесло на осколки от дикого визга.

Чёрт... Что за день такой?

По широкому коридору подтрибунного пространства опять разнесся ультразвук визга, и из коморки моей начальницы вышла Алла. Она зло трясла рукой, указывая на меня чуть кривоватым пальцем с длиннющим красным ногтем.

— Ты чем занимаешь? Почему не следишь за уборщицами? Эта недоразвитая там всё разгромила! — визжала Кобак, пренебрежительно подталкивая мою непосредственную руководительницу в спину.

Светлана морщилась от боли, еле подволакивала правую ногу, но не подавала вида. Она с трудом приковывалась к работе, все знали, что у неё проблемы со спиной, но сегодня

все оказалось куда хуже. Местный врач поставил Светлане укол, а я отправилась выполнять работу за двоих.

— Алла, угомонись, — шикнул Лютаев, вновь высунувшись из раздевалки. — Мы всё решили.

— Лютаев, я тебе не Алла, а Алла Леонидовна, — женщина смутилась ещё сильнее и начала заикаться, пятась от своего позора. Вот только взгляд её стал ещё злее... И эта ярость предназначалась мне.

Если раньше меня никто не замечал, то сейчас я стала центром всеобщей ненависти.

Чёрт... Как не вовремя!

— Беги, малая, — шепнул мне на ухо Лютаев, в очередной раз отравляя воздух своим сладким ароматом.

— Пошёл ты, — шикнула напоследок, рассчитывая, что он не услышит, но выкрик ударил в спину острым ножом.

— Не дерзи мне, девочка!

Глава 2

Лютаев Илья

— Лютый, ну не злись, — мой лучший друг, Макс Савин, заливался хохотом, потряхивая в воздухе очередным выпуском газеты. — Сегодня тебя не так чтобы разнесли... Слушай!

«Лютаев и вовсе побил все рекорды неспортивного поведения. Его рвение к победе лежит через губительные травмы соперников по площадке. Это не игра, это побоище. Он все три периода размазывал защитников о борта, пуская молодую кровь во благо своим амбициям... Все знают, что Илья Лютаев был вызван для просмотра в сборную в преддверии чемпионата мира. Вся страна следила за его возмутительными выходками на молодежном чемпионате, чудом обернувшимися победой для команды. А теперь его ждут в высшей лиге. Храни Бог наших талантливых хоккеистов, ведь от его напора амбиций хрустят кости...»

— Тебе бы не в хоккей играть, а в театре выступать!

Савин с таким выражением читал эту чушь, что на миг я даже поверил в собственное дьявольское нутро, прячущееся под хоккейной формой. Попытался забрать газету, но Макс ловко перекатился по деревянной скамейке и сунул её за пазуху.

— Лучше Князеву звони... Сколько нам тут ещё торчать?

Я с силой ударил по толстым металлическим прутьям камеры, ощущая, как в голове заискрило. Хмель медленно наступался, а перед глазами заискрились картинки устроенной нами драки прямо на танцполе нового клуба.

— Артём сказал, что больше не будет нас вытаскивать, — Савин ржал, не в силах уgomониться. — Слушай, а ты не пробовал выяснить, кто эту чушь про тебя пишет?

— Нет, и не буду! Ему скоро надоест...

— Ага, — Макс закивал и выудил из внутреннего кармана сигарету, а после торжественно прикурил, назло выдувая дым в сторону поста полиции. — Ты когда кубок в руках держал, статья была куда разгромнее. И вообще, меня тоже вызвали на смотры в сборную! Где? Где моя толика известности?

— Тётя Кристина тебя за эту толику известности в бараний рог скрутит, — закатил я глаза и вдохнул полной грудью, пытаясь привести мысли в порядок. — Это моя матушка газет не читает, а к насилию выработала иммунитет.

— Лютый, но это же ненормально. А вдруг этот мудака-писака маньяк какой? Ну сам посуди, какой ему резон грязью тебя поливать из номера в номер? Может, это шантаж? Он уже второй год сидит и ждёт, когда наследничек империи Лютаевых занесет ему котлету бабок, а взамен он начнёт хвалебные оды строчить?

— Макс, ты вроде старше меня, а такой наивный. Да я если даже Олимпиаду в одну каску вывезу, этот писака еще

похлеще чего придумает. Узнает, что я мух бью, к примеру. Или что в детстве у меня умерла рыбка. Нет, брат... Дохлый номер. И бабок я никому заносить не буду. Да и привык я уже, — я вырвал из рук друга сигарету и затушил. — Хватит травить себя этой дрянью, Макс. Ты и так прошлый тест на дыхалку чуть не запорол.

— Боже, какой ты правильный, аж челюсть сводит. И все знают, что ты, как чертов сын маминой подруги, весь идеальный, ответственный. А значит, этот писака тебя лично не знает, — Макс закатил глаза, передразнивая меня, и развалился на скамейке. — Ты, кстати, какого черта сегодня Фёдорову тумачков надавал? Неужели из-за той девчонки?

— Какой девчонки? — на миг завис я, а после сквозь марево хмеля всплыли огромные голубые глаза той крошки, невесть откуда взявшейся в самый разгар празднования победы.

Боже, сколько в ней? Сорок килограмм и полтора метра в прыжке?

И какого черта я вообще бросился её защищать? Сама виновата... У всего есть предел. Зачем влезать в раздевалку, набитую голыми мужиками с хлещущим после матча адреналином? Не выйди я на шум, они бы её затоптали и даже не заметили.

Наверное, я бы не дернулся, не посмотри она на меня своими жалостными оленьими глазками. Видел, как она борется, пытаясь не расплакаться, как украдкой потирает ушиб-

ленное бедро. И как терпит, когда осколок вонзился в ладонь.

Кто вообще она такая? И почему я раньше её никогда не видел? Новенькая, может?

— Эй... Земля вызывает кэпа! — Савин лениво махнул рукой, привлекая моё внимание. — Ты чего задумался? Об Алке мечтаешь, или правда девка зацепила?

— Савин, вот не зря у тебя друзей нет! Ты же мёртвого вопросами задушишь!

— А зачем мне друзья, если у меня есть ты? — друг загоготал пьяным конём и взлохматил отросшие светлые волосы. — Мне тебя, олуха непробиваемого, до конца жизни хватит. Мать сказала с тобой дружить, вот я и исполняю покорнейшим образом. Мамку слушать надо.

— Маменькин сынок...

— И я этим горжусь!

— Тогда ты не будешь против, если я ей расскажу, где мы с тобой оказались после шухера в клубе?

— Боюсь, что ты станешь вторым, — тяжело вздохнул Макс. Вообще этого неуёмного задиру и острослова могли сдерживать только родители, которых он невероятно сильно любил. — Отец уже завтра утром будет знать, кто и почему разнёс его клуб.

— Так это клуб дяди Жени? — по позвоночнику прокатился разряд электричества, а предчувствие апокалипсиса стало неминуемым. — Так какого черта ты молчал?

— А я что, виноват, что в этом городе скоро не останется ни одного бара, не принадлежащего моему отцу? И что теперь? Руками не помахать? А как же удал молодецкая? — Савин закатил глаза, но немного приуныл, потому что разочаровывать отца он не любил ещё больше. — Как думаешь, отец сдаст нас?

— Звони Артёму, пока наши родичи ничего не узнали. Я домой хочу! Ещё рука ноет, зараза, — я растирал запястье, ощущая, как натруженные мышцы пульсируют болью.

Артём Князев был нашим другом... И мы пользовались тем, что он был намного нас старше. Тёма частенько вызволял нас из дерьма, представляясь то моим отцом, то отцом Савина. И это в совокупности с адвокатской корочкой всегда прокатывало.

— Если тренер узнает, что мы опять попались, отстранит от матча! — я зарычал и начал ощупывать Макса, прекрасно зная этого прохиндея... Он мастерски прятал сигареты и телефон, пользуясь тем, что менты почти никогда нас не обыскивали, прекрасно понимая, чьи мы отпрыски, и что за нами скоро явятся.

— Ты Алку свою щупать будешь, Лютый, — снова загоготал Макс, отбиваясь от моих рук. — Кстати... Ей сколько? Сорок? Что скажет отец, узнав, что ты шпилишь тётку вдвое старше тебя?

— Савин, если ты не скажешь, то и отец не узнает! Трепло, — я было замахнулся, но друг слишком хорошо меня знал

и ловко пригнулся.

— А если узнает? А? Лютый, что если всё же узнает? — Савин вскочил на скамейку и задрал смартфон к крошечной форточке под потолком, пытаясь найти связь. — Хрен он тебе квартиру купит ... Так и будешь жить с родичами.

— Как и ты, придурок, — протянул я, ударяясь затылком о стену. — Мы все через забор обитаем. Вообще, какого черта они бок о бок живут? Я от тебя за пятнадцать лет устал, а они всю жизнь вместе. И ведь не ссорятся!

— А я своих люблю до безумия, поэтому не рвусь на волю. Матушка готовит — мозг можно потерять, как вкусно. Опять же за сёстрами кто-то должен присматривать Я на прошлой неделе утырка рыжего в узел свернул... Он за мелкой на велосипеде катился, как сталкер гребаный, — протянул Макс, а после свистнул и быстро приложил телефон к уху: — Тёма, ЧП! Тут Лютаев опять попал. Мы в пятнадцатом участке... Да не ори ты! Ну покрошили немного морды... Всего два носа сломали!

— Чёрт, Макс... Что ты несёшь? Это же ты втащил тому здоровяку!

— Да? — он наивно хлопнул глазами, растянув губы в ухмылке. — А я думал, что ты. Короче, Князев скоро будет... А я пока посплю, — этот клоун рухнул на скамью, чуть не раздавив её своей огромной тушей, и вмиг захрапел. Талант у него был... Спать всегда и везде.

Я рухнул на пыльный пол и начал отжиматься, пытаюсь

прогнать через пот остатки алкоголя. Какого черта я вообще напился? Ведь хотел поехать домой, но нет... Черти затащили меня в бар отмечать нашу победу.

А мне через две недели нужно быть в Москве на смотрах. — Придурок ты, Лютый... Какой же ты придурок!

В такие моменты я просто ненавидел себя. Пара часов безудержного веселья могла стоить мне карьеры. А может, и стоила...

Но в тот момент я был так зол! Как бы я ни храбрился, но эти статьи бесили меня куда больше, чем бы мне того хотелось. Какой-то прыщавый писака стал бомбить по мне ещё год назад. И с тех пор раз в неделю мое имя поносится в его статьях. Клуб даже пытался надавить на редактора газеты, но тот сообщил, что это вольный наёмник. И все, что нам удалось узнать — молодой парень раз в неделю приносит статью и даже не просит за нее денег.

— Не мельтеши, у меня нога от тебя кружится, — Савин сонно пробормотал, мотнув лапой.

Засранец! Скамейка метровая, а этот двухметровый детина компактно так разложился, лишь ноги свисают. Так он ещё и похрапывает, игнорируя дискомфорт.

— Нога не может кружиться!

— Моя может... Так бабушка всегда говорит. От моих шуток у неё кружится голова и крошатся зубы, — хихикал Макс, не открывая глаз.

Вдруг в коридоре слышались шаги... Я пнул Савина по

ноге, а тот мгновенно вскочил и прильнул к решетке, затаив свист соловья.

— Спаситель наш пришёл! Как думаешь, чьим бате́й он сегодня прикинулся? — Макс нервно переминался с ноги на ногу. — Лютый, сколько мы уже ему должны-то? Точно мой папка... В прошлый раз был твой. Папуля пришел!

Савин чуть ли не залепетал, как малыш слюнтявый, широко улыбнулся, надевая маску невинного ангела. Чертяка... Он и на льду такой же. Сначала по борту размажет, а потом поднимет маску, широко улыбнётся, и ты правда думаешь, что этот-то точно не со зла.

— Я спешу-спешу, сыночка-верзилочка, — хриплый зычный рокот пронесся по бетонным стенам, и мы с Максом одновременно осели, потому что голос принадлежал не Князеву.

В сопровождении конвоя и сонного начальника участка в помещение камер временного содержания вошёл мой отец.

Никита Петрович Лютаев...

Всего доля секунды, всего одна вспышка его прозрачно-голубых глаз, и мне стало понятно – виселица готова, гильотина наточена, ждут только жертву. То есть – меня...

— Брат, тебе конец, — констатировал Савин.

— А тебе? Что, он больше не твой папочка? — я машинально сглотнул ком, образовавшийся в горле, судорожно надеясь, что я сплю. — Или ты думаешь, он твоему не скажет?

— А меня папка любит, — зашептал Макс, широко улы-

баясь моему отцу и незаметно указывая на меня пальцем. — Я же приёмыш...

— Да я сомневаюсь, что ты приёмыш, Савин, очень уж сходство у вас поразительное с батей, — отец нетерпеливо пинал решетку, пока перепуганный сержант пытался справиться с замком. — На выход, граждане хулиганы и бездельники. Давайте, сыночки, выходите...

Отец оскалился и пропустил смешок, щедро отвешивая подзатыльник Савину. Тот вмиг поник и двинул по коридору, с опаской оборачиваясь, дабы ничего не получить со спины.

Следом вышел и я, но папа лишь шумно и разочарованно выдохнул, а это было куда хуже, чем подзатыльник или раздражающий перепонки ор.

Глава 3

Пока отец был в кабинете начальника, мы топтались под дверью. Макс зевал, чувствуя, что пока в относительной безопасности, раз в участок не влетели его родители. А вот мне было не до шуток...

Мои родичи и так не в восторге от хоккея. Нет, клюшек никто не ломает, на игры все регулярно ходят, но после каждой травмы я слушаю такой водопад родительской тревоги, что дурно становится. Они всё надеялись, что я переболею... Но годы идут, а мой азарт становится только крепче.

— Скажи отцу, что эти придурки мою тачку забрали, — шептал Савин, подталкивая меня к кабинету. — Меня мать убьёт! Это её «поршик».

— За дело убьёт, — я отмахнулся от лап лучшего друга и снова прижался к стене, а после застегнул кожаную куртку, чтобы не светить кровью.

— Лютый, моя матушка куда хуже твоего отца. У него хоть стоп-кран есть, а моя... Она мне голову открутит, потом с хлоркой простирнёт и пришьёт обратно.

— Может, поумнеешь? Ты скажи, чтобы крестиком пришивала, так красивее будет, — тихо рассмеялся я.

— Лютый, я и так чертовски красив и пугающе сообразителен, — Макс гордо выпятил грудь. — Мне бабушка так говорит...

— Врёт. Все бабушки врут... Моя вот говорила, что мне не стоит заниматься хоккеем, — я расхохотался, но тут же заткнулся, когда скрипнула дверь кабинета.

Отец появился в коридоре темнее тучи. Он кивком головы указал направление, и мы покорно отправились на экза-
куцию. Ладно хоть там не прихлопнул. А он может!

— Пап, с нами парни из команды были, — быстро сказал я, но он даже не отреагировал, лишь махнул рукой, заставляя заткнуться.

— Японский городской! Вы что, дуболомы? — лишь переступив порог участка, отец грохнул яростным рёвом, он так тщательно заменял мат, что мне даже жаль его стало. — У вас сезон только начался, а вы прям сразу решили вылететь из команды? Идиоты! Хотя чего я переживаю? — отец сверкнул яростным взглядом. — Может, это к лучшему? Подтянетесь в универе и забудете, к чертям собачьим, о своём хоккее?

Он врал... Мы проходили это, и лучше не стало. Когда мне на первом курсе сломали руку, я пропустил почти год. И тогда дела с универом и качеством обучения стали только хуже.

— Дядь Никита, ну те мальчишки в клубе были неправы, — затянул свою пластинку Макс, хлопая наивными глазками. Он что, всерьез рассчитывает, что на моего отца эта театральщина возымеет эффект?

— Запомните, что неправ не тот, кто устраивает кровавую

бойню, а тот, у кого не хватает слов, чтобы решить проблему. Тот, у кого нет хитрости. И тот, кто готов поставить свое будущее выше, чем мимолетное желание блеснуть мускулами и показать, кто тут «папа»! — отец присел на капот машины и закурил.

— И это сказал владелец бойцовского клуба...

— Заткнись, твой отец тоже им владеет, — зашипел я.

— Макс, вот ты вечно в бутылку лезешь! Можешь просто помолчать?

— А я джин люблю, — друг заиграл бровью, словно забыл, что рядом отец. — Если ты понял, о чем я...

— Зато я понял! Поздравляю, юноши, вы наказаны! — прохрипел отец.

Он не торопился садиться за руль, оборачивался по сторонам, словно чего-то ждал, а вот это уже дурной признак.

— Пап, вообще-то мне двадцать... Что, ты меня в угол поставишь?

— Я и ремнем могу отходить, благо мускулы есть не только у тебя, — отец рывком сократил расстояние между нами, и вот тут мне стало жутко...

Нет, он никогда меня не бил. И пальцем не тронул. Мне всегда было достаточно его взгляда. Пронизывающего, пугающего и до ужаса холодного. Как сейчас...

И от неминуемой смерти меня спас визг резины. На парковку участка въехало такси, а из салона вывалился Тёма Князев, на ходу затягивающий галстук.

— Чёрт... — протянули мы с Максом, а вот отец рассмеялся, заполняя тишину двора своим хриплым смехом.

Князева даже окриковать не пришлось, он замер, как сурикат, явно узнав этот звук.

— А вот и папка явился. Да? — крикнул отец, и Тёма Князев развернулся на пятках, как стойкий оловянный солдатик. — Вся криминальная банда в сборе.

— Дядя Никита? — прошептал он, вытягиваясь в струну.

— Твои сыночки тут, не тревожь сотрудников полиции, — отец махнул на заднее сиденье своей машины. — Прошу, присаживайтесь, господа. Домой вас прокачу...

— Пап, а что с парнями? — я виновато опустил голову, не желая смотреть Князеву в глаза, потому что и его мы подставили знатно.

— В машину, я сказал! — отец рявкнул, и мы бросились бороться за право сесть на заднее сиденье, лишь бы не с ним рядом. — Клоуны...

— Лютый!!!! — раздался ор справа, и мы притихли.

— Что? — машинально отреагировал отец, оборачиваясь к источнику крика. Обернулись и мы, наблюдая, как из участка вываливается моя команда.

— Нет, пап... — я как смертник прыснул смехом одновременно с Савиным. — Боюсь, что здесь Лютый всё же я.

— Идиоты! — зашипел Князев и, отбросив меня, занял место рядом с Максом, а после захлопнул дверь и заблокировал замок.

Чёрт...

Махнул таким же помятым, но довольным парням из команды, и мы отправились с достоинством принимать заслуженное наказание.

По пути отец молчал. Он даже не пытался завести разговор, не включал нудного лектора по морали и праву. Он просто вёл машину. Но чем ближе мы подъезжали к коттеджному поселку, тем дурнее становилось предчувствие.

Жили мы, и правда, все чуть ли ни под одной крышей. Никиту Лютаева, Евгения Савина и Игоря Князева в городе знали все. Говорили про них разное, за что-то и вовсе приходилось морды бить. Но вот в чем все сходились — так это в том, что дружбу этой троицы не разрушить ничем.

И это правда...

Сколько себя помню, мы всегда проводили все праздники в нашем огромном семейном кругу. Появлялись дети, семьи росли, шума становилось больше. Но не было ни единого дня, когда бы мы не встречались.

И дома наши стояли в одном тупиковом переулке. И стоило нам завернуть в него, как всё стало ясно.

Первыми нас встретила чета Князевых. Тетя Соня, кутаясь в серую шаль, прижималась к груди мужа, а заметив нас, и вовсе вздрогнула. Отец не стал притормаживать, дабы высадить первого, сразу остановился на парковке возле дома, выпрыгнул из машины и звонко ударил по капоту, требуя выйти.

Я обернулся, заметив и хрупкий силуэт матери, и появившихся Савиных. И вдруг так стыдно стало...

— Запомните, ироды, мне больше не звоните! — рявкнул Тёма, открывая дверь. — А ты, Макс, особенно!

— А я-то чего? — заканючил Макс, вовремя успев заблокировать свою дверь, потому что в его сторону несся смерч под названием тётя Кристина.

— Думаешь, я не видел, как ты мою сестру вчера подвозил? — Тёма сверкнул яростным взглядом и выбрался наружу.

— Макс, какого черта? Что ты натворил? — взмолился, понимая, что впереди нас ждут очень большие проблемы.

— Да я просто подбросил! — Макс изо всех сил держал дверь, не впуская мать, пока не услышал зычный голос отца. Дядя Женья стоял у ворот своего гаража и напряженно курил, не сводя взгляда с машины отца.

Вообще это было похоже на дурную комедию. Сумрак, тусклое дежурное освещение вдоль забора и наши родичи разной степени оголенности.

— Ладно, пойдем, пока они не спалили тачку вместе с нами.

— А они могут! — выдохнул Макс. — У них вон сколько запасных детишек... Одним больше, одним меньше.

Мы синхронно, но очень тихо рассмеялись, медленно выбираясь из своего временного укрытия.

— Принимайте, родители. Вся банда подельников в сбо-

ре. Артём Князев у нас, оказывается, счастливый папаша двух очаровательных двадцатилетних ангелочков, — отец хлопнул в ладоши, встречая наше появление бурными овациями. — Все счастливы, а мы, как придурки, в полном неведении, куда катятся наши дитятки. Схема отработана. Они звонят Артёму, он приезжает и вызволяет их из милиции.

— Из полиции, дядя Никита, — машинально вставил свои пять копеек Макс, за что тут же получил подзатыльник от тёти Кристины.

— И сколько раз? — ахнула мама и медленно двинулась на меня.

Когда она вышла из тени, а тусклый свет дежурной ночной подсветки осветил её лицо, я увидел огромные глаза, полные тревоги и неверия.

— Да кто ж их знает? А правду из них даже иголками под ногти не вытянуть!

— Артём! — тётя Соня тоже рванула вперед, и уже через мгновение мы с парнями были окружены нашими любящими, но сильно разочарованными мамами.

— Кто с утра за цветами поедет? — шепнул Тёма.

— Макс... — хором ответили мы и двинули в материнские объятия...

Глава 4

Утро началось с головной боли... Мигрень с тошнотой и сухостью умеют делать начало дня недобрым. Не открывая глаз, нащупал рукой бутылку воды у кровати и почти залпом осушил её.

Ливень, тяжелое серое небо и нетипичная нашему дому тишина лишь усиливали моё состояние полного раздрая.

Семья у меня большая, а следовательно, чтобы добиться такой тишины, нужно либо всех связать, либо выгнать. Ни тот, ни другой вариант мне не нравился.

Мои братья близнецы как раз вошли в период мощного пубертата, когда хочется оспаривать, что вода мокрая, небо голубое, а курить за школой плохо. И от них с самого детства слишком много шума. Они вечно дерутся, орут и что-то крушат не ради забавы, это просто стиль их жизни такой.

Но это не всё... У меня ещё есть две сестры. Одной десять, а второй скоро будет год. И вот эта парочка принцесс способна устроить революцию даже без повода.

А учитывая, что сегодня выходной, тишина зазвучала ещё более зловеще.

Не одеваясь, я распахнул дверь своей комнаты и прислушался...

Но не уловил ни шума кухонной утвари с первого этажа, ни ора, ни идиотской девчоночьей попсы. Я даже вышел и

начал распахивать двери в детские комнаты, но там было пусто.

На мгновение я даже решил, что сценаристы «Один дома» определенно что-то знают о жизни, но вдруг слух резануло знакомое жужжание кофемашины.

— Попался, Лютый...

Я вздохнул и прямо в трусах отправился на первый этаж, где в уютной тишине, лениво листая спортивную университетскую газетенку, в своем любимом кресле сидел мой отец.

Папа... Отец у меня суровый, даже местами жесткий, но при всем при этом справедливый.

Он никогда не давил, не диктовал правил, всеми силами пытался уважать мою свободу. Он всем сердцем ненавидел хоккей, но при этом никогда не шантажировал им. Родичи многих парней хоккей держали как удочку с приманкой. «Закончишь хорошо четверть – купим новые краги... Завалил курсовую? Никакого хоккея!».

Мой же отец никогда не опускался до подобного. Лично возил на все тренировки, а когда тренер посоветовал сходить на просмотр в академию при местном хоккейном клубе, весьма удивился, но перечить не стал. Он покупал форму, из которой я пугающе быстро вырастал, оплачивал моё обучение, пока меня не зачислили в основной состав молодежи, приходил на все игры и стоически держал за руку в кабинете стоматолога, когда я сам себе вышиб клюшкой зуб.

И я сам начал делать всё, чтобы не разочаровать его.

Окончил с отличием школу, поступил в универ на бюджет, вот уже второй год кручусь, как белка, закрывая хвосты.

Оттого сейчас, смотря в глаза отца, мне стало чертовски стыдно... Не знаю пока, за что, но чувство это новое и совсем неприятное.

— Привет, сын, — он лениво перевернул страницу, хотя я видел, что он не читает, потому что все, что его интересовало, он уже выучил и даже успел сделать выводы.

— Привет, пап, — я сел в кресло напротив, не сумев сдержать улыбки, когда заметил накрытый белым полотенцем поднос с тарелкой моих любимых кабачковых оладий и горкой заботливо очищенных вареных яиц. — Где все? Бьюсь об заклад, что мама за углом караулит, чтобы ты меня не убил.

Я выглянул через открытую дверь террасы, но лужайка перед домом тоже была пуста. Странно...

— Они у Князевых, готовятся к дню рождения тёти Сони, — ответил отец. — А насчет матери, боюсь, что ты прав.

— Пап... — я набрал полные легкие воздуха, пытаюсь найти оправдание вчерашней драке, но отец меня перебил.

— Илья, ты, наверное, думаешь, что я сразу стал взрослым? — он улыбнулся и мечтательно вскинул глаза к потолку. — Мы тоже были молодыми горячими придурками. Ничего же не меняется... Это сейчас у вас вписки, а у нас это называлось тусовкой. У вас абьюзеры, бодишеймеры и прочая хренота... А у нас за это просто били в морду. Мы для вас бумеры, а по факту мы просто родители, пытающиеся не

пустить своих детей по наклонной.

Отец тяжело вздохнул, сделал глоток кофе и поднялся, нервно подернув плечами, словно их что-то сковывало.

— Мне глубоко фиолетово, что сподвигло вас разнести бар. Меня волнует, почему мой сын врёт! — и вот последнюю фразу отец прорычал.... Этот хрип оказался громче басов в моей тачке, он прокатился по барабанным перепонкам, наводя какой-то животный ужас, ведь он никогда так не говорил со мной.

— Пап...

— Илья, какого, мать твою, черта? — он с раздражением прокатил ту самую газету по каменной столешнице кухонного острова, а я её поймал.

«Надежда спорта или избалованный мажор? Новый виток скандала с Ильёй Лютаевым.

Накануне важнейшего просмотра в сборную капитан «Демонов» был замечен в очередной драке в ночном клубе. Но на этот раз наш корреспондент стал свидетелем куда более интересных подробностей. Речь идёт не просто о хулиганстве, а о глубоком пренебрежении к людям, которые находятся «ниже» по социальному статусу. О том, как можно откупиться от проблемы, просто сунув в зубы денег тому, кого считаешь никем... Вот они – будущее страны! Детки богатеньких родителей и не более...»

Я даже дочитывать не стал, пробежался до конца статьи, а когда нашёл знакомую подпись, внутри уже клокотала такая

ярость, что звуки в кашу превратились.

— Надежда спорта или избалованный мажор, — задумчиво протянул отец, словно смакуя эти ужасные слова. — Хороший вопрос.

— Кто ты, Сергей Лавров? Кто ты такой? — прошептал я, сминая листы газеты в комок.

— Ты помнишь, что у тебя скоро смотр в сборную? — отец вновь заговорил ровно, спокойно, но так и не повернулся.

— Да...

— А ты знаешь, что скандальные драчуны им не нужны?

— Да...

— Хочешь правду? — папа рывком вышел на террасу, сделал два глубоких вдоха, в ответ выпуская густое облако пара. Мелкий дождь моросил, образуя мутную взвесь, но отец словно этого не замечал. — Я буду рад, если тебя не возьмут. Мне будет все равно, если тебя вышибут из команды... Я никогда не мечтал иметь сына хоккеиста...

— Ну прости, что разочаровал, — от злости прохрипел я, и вот тут отец обернулся.

Его глаза полыхали синим пламенем, в три шага он пересёк расстояние и замер в паре сантиметров от меня.

Его грудь вздымалась, на шее вздулись вены, крылья носа опасно дрожали, а голос потерял бархат родительского спокойствия.

И тут я понял, кто из нас настоящий Лютый...

— Я разочарован не дракой, а тем, что мой сын готов опустить руки и бросить то, к чему шел много лет. Ты променяешь все это ради пары сломанных носов в баре? Позволишь полоскать своё имя в этой гнилой газетенке? — шипел он, тихонько тыча меня пальцем в грудь. — Чего стоит твоя мечта? Чего стоят твои цели? Быть просто тупым хоккеистом ради того, чтобы все телки давали? Тогда да... Я сильно разочарован!

Отец сделал резкий шаг в сторону, сдернул со спинки стула свой пиджак, одной рукой затянул на шее галстук, бросил в карман телефон, портмоне, а прежде чем выйти, остановился в дверях.

— Если уж ставишь цель, ты должен идти к ней даже по трупам. А если ты делаешь это для красивой картинки, то мне очень жаль потраченного на твоё увлечение времени, — вдруг папа достал из кармана брюк связку ключей и швырнул на стол. — Ты хотел жить один? Пожалуйста... Гостевой домик закончен, и мы с матерью решили дать тебе свободу, о которой ты так просил. Братья и сестры больше тебе мешать не будут, но речи о квартире быть не может, пока ты не докажешь, что взрослый и самостоятельный.

С этими словами отец вышел, громко хлопнув дверью, и этот звук пробил дыру в моём сердце.

Вот только он может быть разочарованным, при этом упорно верить в тебя до последнего. И это заряжает куда круче, чем мотивационная речь тренера.

Отец прав... Я не имел никакого права ввязываться в драку накануне смотра. И Савина я тоже должен был остановить, потому что, несмотря на поразительную схожесть, за спокойствие в нашей парочке идиотов отвечал я.

— Чёрт, — я схватил оладушек, достал из сумки спортивный костюм, чтобы не подниматься наверх, и отправился на задний двор, где вдали, среди густой изгороди туй, спрятался симпатичный домик, который родители решили построить прошлой весной.

Они что-то говорили про гостей... Но я-то знал, что в нашем доме на ночь могут остановиться только друзья, а они все живут в относительной близости.

Свернул на мощёную тропинку, тянущуюся мимо нашего гаража, обошел спортивную площадку и вышел к крыльцу дома, дверь в который была приоткрыта.

И вдруг так стыдно стало... Мысль, что родители строили его для меня, больно ударила по темечку, лишь усиливая осадок после разговора с отцом.

Я никогда сюда не ходил, поэтому войдя, присвистнул... Первый этаж оказался просторным современным пространством с панорамным остеклением по кругу. Небольшая кухня, длинный каменный остров и огромный диван с пугающей плазмой напротив, в углу пряталась металлическая винтовая лестница, ведущая в спальню на втором этаже...

— Чёрт, что за срань? — громыхнул голос Савина, когда я уже спускался по лестнице. — Почему меня за драку лиша-

ют тачки, а тебе дарят дом? Какого хрена? Это унинительно даже для приёмыша.

— Да завали ты, Макс, — я рухнул на диван и закрыл глаза. — Твои родичи любят тебя.

— Спору нет, — Савин гонял по дому метеором, открывал шкафы, а заметив выстроенные рядочком на веранде тренажеры, и вовсе засвистел. — Матерь Божья! Лютый, ты поговори с моей маман, а? Может, она отпустит меня у тебя пожить?

— Заткнись! У меня и так голова гудит! Что мы вчера пили? Почему мне так дерьмово? — застонал я, ощущая, как трещит черепушка. — Я почти ни хрена не помню.

— Забудь... С этим что делать? — Макс кивнул на газету, до сих пор сжатую в моём кулаке. — Морды крошили вместе, а написали опять про тебя. Слушай, друг, ты точно ничего не скрываешь? Это уже пугает даже меня!

Савин вытащил из холодильника две бутылки воды и сел напротив.

— Ну не бывает так, чтобы громили одного просто так. Это целенаправленная акция! Батя даже в шутку предположил, что тётя Юля заказала тебя, только бы сорвать просмотр в сборную, — рассмеялся Макс, но в глазах его было разумное сомнение.

— Не поверишь, но я тоже так думал, пока не поговорил утром с отцом, — я перекачивал между пальцев ключ от дома, снова и снова прогоняя все, что он мне сказал. — Да

нет... Мать без отца и шага не ступит. У них команда. Они и любят единым фронтом, и наказывают тоже. У нас нельзя в обход одного добиться послабления наказания.

— Тогда отец? Дядя Никита был вчера на грани, — шепнул Савин, оборачиваясь, на случай если нас подслушивают. — Лицо красное, из глаз искры. Я его таким никогда не видел!

— А я не видел, чтобы дядя Женя орал матом, — я тоже рассмеялся, вспоминая вчерашнюю встречу с родителями. — Нет, Макс, это не наши родичи. Тут кто-то другой... И мы это узнаем.

— Вот! Теперь узнаю своего друга! — Савин отбил мне пятюню и заулыбался, предвкушая очередной кипиш.

— Отец прав. Из-за какого-то прыщавого придурка я не имею права лишиться всего, к чему шел...

Глава 5

На вечернюю тренировку я не просто спешил, а летел. Хотелось быстрее выйти на лед и выпустить пар. Я буквально сбежал из дома, только бы не столкнуться с мамой. С меня хватит и разочарованного взгляда отца.

И самое поганое, что злились они не за дебош в баре, и не за обезьянник, откуда нас пришлось вытаскивать среди ночи, а из-за гребаных статей, о которых они ничего не знали.

И отец прав! Сто раз прав! Я слишком долго и усердно трудился, чтобы упустить свой шанс попасть в сборную. Ещё в том году ко мне приходили спортивные скауты, предлагая весьма неплохие контракты различных клубов. Но отец настоял, что я должен окончить универ, а потом махать клюшкой где угодно, хоть на другом материке. Маме после этих слов пришлось вызывать скорую... Вернее, тётю Соню, с которой они до утра пили «волшебные» капли, причитая на тему, как же быстро растут дети.

В тот момент я не был уверен, что хочу связать жизнь с хоккеем. А теперь всё поменялось.

Сборная – это не удача и не лотерея. Это первая ступень моего будущего. Я, в первую очередь, себе должен доказать, что чего-то стою.

Припарковался у ледовой арены, машинально осмотрел стоянку, заметив, что почти все парни уже в сборе. А ещё

заметил красную «ауди», значит, Алла ещё на работе.

Несмотря на то, что мы были дублем нашей взрослой команды, тренировали нас так, словно если основной состав сляжет с диареей, на защиту города придется вставать нам. А мы были не прочь...

Вошёл в раздевалку, на ходу стягивая мокрую толстовку. Вдох... Резкий запах пота, хлорки и ментола разогревающих спортивных мазей — вот атмосфера, в которой я чувствовал себя как рыба в воде.

Гул голосов стих, парни обернулись, приветствуя меня, а после вновь продолжили ржать.

Бросил на скамейку свою сумку, а после стянул одежду и начал переодеваться.

— Да я башку даю на отсечение! Это была она! — горланил Фёдоров, перематывая скотчем щитки. — Вас когда менты загребли, я успел слинять в компании с горяченькой рыжухой. Не помню, как её зовут... — Фёдоров замолчал, а толпа прыснула смехом от его замешательства. — Неважно! Она притащила меня к себе в общагу, а там эта девка! Ну, которая пиво все разгрохала после игры. Она там полы в общежитии драила. Виляла своей сладкой жопкой, размахивая рваной вонючей тряпкой.

Я застыл, ощущая как каменеют мышцы, лениво посмотрел на Фёдорова, прикидывая, врёт или нет. Но, очевидно, он говорил правду.

— Она там и живёт, и сортиры драит. Вот умора! — не

унивался Фёдоров. — Братцы, ну если её в хлорке отмыть, то она очень даже ничего. Я бы ей вдул...

— Фёдоров, не, не вратарь ты... Трепло! — поднялся Ванька Добрынин и двинул ко мне, словно заметил, что ещё мгновение, и меня разорвет на осколки. — Ну работает человек на двух работах, всякое бывает. Это же у тебя дед бывший мэр. А простые люди живут иначе.

— Да я её до вчерашнего дня вообще не видел. Ходила призраком, а тут за сутки дважды... Нет, личико у неё смазливое, конечно. Ну а так... Мышь обыкновенная, а в том халате ещё более жалкая и серая.

По раздевалке прокатилась волна дикого ржача. И лишь Савин с Добрыниным не присоединились к этой вакханалии. Они медленно встали мне за спину, чувствуя, что назревает беда.

— Ты, Фёдоров, её хорошо рассмотрел, — усмехнулся я и, отбросив руки друзей, двинул прямо на острослова. — Что, на серость потянуло? Себе под стать ищешь?

— Да пошёл ты! — Фёдоров напряженно сглотнул и отвернулся к своему шкафчику. — Мне нет никакого дела до миссис Мышь. Она же обычная приживалка. Такой один раз подмигнешь, она тебе на шею сядет и будет бабло сосать похлеще, чем хер!

Фёдоров снова заржал, только на этот раз команда не поддержала его веселья. То ли потому что он зашел слишком далеко, то ли потому что я встал к нему слишком близко.

— Фёдоров... Ты вместо того, чтобы телок рассматривать, лучше бы за шайбой на льду следил. Мне на прошлой игре пришлось под нападающего падать, чтобы он не забил свой фирменный угловой! — я хлопнул по спине вратаря, ощущая, как под ладонью от ужаса сжимаются его мышцы.

— Да я так, кэп... Чисто поржать... — голос его задрожал, от ужаса он даже не рискнул обернуться, чтобы в глаза мне посмотреть.

— Поверь, будет лучше, если ты будешь брать буллиты, чем буллить девчонок! Понял?

— Да... Я просто...

— Просто? Тогда идём на лёд, и мы всей командой будем ржать, как ты не можешь взять простую шайбу. Какого черта тебя Мулин ещё из команды не вышвырнул? — процедил я и отошел от него. — Сегодня никто домой не пойдёт, пока Фёдоров не покажет класс!

— Есть, кэп... — уныло откликнулась команда, и в раздевалке воцарилась тяжелая тишина. Даже Савин решил заткнуться и не подливать масла в мой огонь.

Чёрт... Что я творю? Какого черта взъелся на придурка? У Фёдорова вечный словесный понос, прошлый тренер его трижды убирал из команды, но дед с бывшими регалиями дергал за ниточки и придурка снова и снова возвращали.

Какая, к черту, мне разница, что они обсуждают? Мне какое дело до обычной уборщицы? Ну Мышка, как Мышка... Маленькая, хрупкая, а в глазах такая лютая печать, что серд-

це сжимается.

Да я же сам ей это прозвище придумал. Вот только называть её так — это одно, а слышать это похабное хихиканье от других — совершенно другое.

Рванул створку шкафчика, и от звонкого скрипа свело скулы. Зажмурился, вспоминая её дерзкое: «Да пошел ты!». И такое пламя в её глазах вспыхнуло, что я оторопел на мгновение. Там же вся ярость этого мира полыхала, и направлена она была на меня.

— Мальчишки, всем привет! — голос Аллы раздался слишком резко. Она вошла спиной, прикрывая глаза ладошкой, и захихикала. — Не смотрю, не смотрю! Переодевайтесь, мои богатыри могучие. Я просто украду у вас капитана на пару минут.

«У-У-У-У!» — понеслось по раздевалке, смешиваясь с диким смехом.

— Чувак, она тебя до смерти затрахает. Моргни два раза, если нужно подменить, — шепнул Савин, когда я проходил мимо. — Алла Леонидовна, а вы чего-то задержались сегодня. Работы много?

— Конечно, много! Мне вас, оболтусов, пиарить нужно. Или вы до конца жизни в «Дьяволах» сидеть собрались? — Алла веселилась, покачивала аппетитной задницей, обтянутой кожаными штанами.

Эта сука знала, как сделать приятно. Она вообще не знала слов «нет» или «не хочу». И это чертовски возбуждало.

— Алл, какого черта? — я еле успел натянуть кофту и вышел в коридор. — У меня тренировка!

— Илюш, ты вчера не заехал, — заскулила Алла, прикусывая свои пухлые губы. Она хлопала ресницами, играя в «обиженку», хотя прекрасно знала, что я этого терпеть не могу.

— А должен был? — прислонился к подоконнику, сложил руки на груди, наблюдая за её игрой. — У нас вроде все чисто и понятно. Никто и ничего никому не должен. Никаких звонков, СМС, скандалов. Или что-то изменилось?

— Нет! — Алла вспыхнула и рывком прижалась ко мне, запуская свои шаловливые ручки прямиком в трусы. — Просто наше веселье вчера прервала та чокнутая уборщица. И я подумала, что ты заглянешь вечером...

Чёрт... И тут эта Мышка!

— Алла, а ты бы мужу позвонила, вдруг он из командировки пораньше вернётся? — усмехнулся я, отталкивая её. — Ты что устроила? Льнешь ко мне у всех на виду, — я перехватил её руки, встряхнул, заставляя поднять глаза. — Алла... Что ты задумала?

Мне хватило лишь мгновения, чтобы всё понять... Надоело Алке жить рядом с богатым, но сильно морщинистым старпёром, за которого её выдал отец. Тела молодого хочется, но при этом и статус не понизить. Бинго...

— Ты что, решила меня женить на себе? — я рассмеялся, а Алка сморщилась, как от звонкой пощечины.

— Илья, я... я не могу без тебя! — она всхлипнула и попыталась снова обнять, но по коридору слышались шуршание и тихий плач.

И через мгновение на свет показалась Маша. Она тащила огромный пакет мусора, с плеча свисал баул с оторванной лямкой, она постоянно поправляла его и еле слышно скулила.

— Чего ноешь, малая? — эти слова сами вылетели из моего рта, вызвав феерию реакций.

Алка зло зашипела, а Маша вскинула на меня такие бешеные глазища! Столько в них было презрения, ненависти, отращения, что по позвоночнику разряд тока прошелся. Она было открыла рот, но тут же передумала и снова поплелась к воротам.

— Я здесь больше не работаю, — единственное, что бросила через плечо девчонка, а после замерла, посмотрела на этот мешок и со всей дури пнула его, а потом сбежала.

Я долго смотрел ей вслед, пытаюсь собраться.

Какого черта я так реагирую?

— Что ты сделала? — я еле поборол желание броситься за девчонкой и медленно обернулся к бледной и глупо улыбающейся Алке.

— Уволила, — она отбросила растерянность, и её глаза снова засверкали сучьим блеском.

— Что ты сделала? — прорычал я, ушам своим не веря.

— Ну уволила её, уволила! Эта дрянь всю раздевалку раз-

громила! Я же видела, как она тебя взбесила, потом и нахамила напоследок, — голос Аллы стал звонким, как вибрации старой скрипки. — Мы со Светой все обговорили, считай, что проблема решена.

— А чья это была проблема, Алл? Может, все же твоя? — я чуть склонил голову, обхватил рукой её лицо, и Алла ласковой кошечкой прижалась к ней, пока не ощутила, как медленно сжимаются мои пальцы. — Ты что устроила? Силу свою демонстрируешь? Власть? Можешь уволить кого хочешь? А не ты ли отца умоляла взять Фёдорова обратно? А почему так? Может, его дедуля, мэр дырявый, занёс тебе бабосиков?

— Илья! — Алла было рыпнулась, пытаюсь отстраниться, но я не позволил. — Это всего лишь девка вшивая... Бродячая нищенка! Я вообще не понимаю, что она тут делает. Мне Фёдоров рассказал, что она по всему городу полы драит. А мне тут зараза не нужна! Я же для тебя старалась, милый, — снова засюсюкала она. — Чтобы тебя перед игрой никто не злил. Ты только играй, Илюша, играй!

— А кто тебя вообще просил заботиться обо мне? — захрипел я, и довольное сияние с лица Алки наконец-то сошло. Она побледнела, задрожала. — Кто тебя об этом просил? Ты мне что — мать?

Уверенность Аллы сменилась паникой, глаза забегали, она уже будто ждала, чтобы кто-нибудь вышел и прервал эту пытку.

— Верни её, — тихо, безэмоционально произнес я, склоняясь к её губам. — Верни!

— Но... Илья, ты хоть подумал, как это будет выглядеть?

— Мне плевать, как это будет выглядеть! — рявкнул я, и Алла подскочила от неожиданности. — Ты либо сама всё исправляешь, либо я иду к твоему отцу. Как думаешь, что мне в первую очередь ему рассказать? Что его тридцатилетняя дочь взятки за его спиной берет, или что совратила капитана?

Как жаль, что так действенно работают только угрозы. Я понимал, что никуда не пойду, Алла это понимала тоже, но тем не менее сделал шаг в сторону, задумчиво пялясь на свой телефон.

— Не буду! — цыкнула она, и в тишине застучали её каблучки.

— Сделай это, Кобак! Не расстраивай меня, — напряжение вылилось в смехе, громком, грозном, он скакал по стенам коридора, точно достигая своей цели.

Сделает... Она все сделает.

Внутри меня разрывало от злости... Злился на идиотку Алку, на Фёдорова с его длинным языком и похабными шуточками, на этого гребаного писаку с его статейками. И на Мышку... За то презрение, что засело в её огромных голубых глазах.

Но больше всего я злился на себя. Потому что этот внезапный яростный порыв защитить эту девчонку был ирраци-

онален, непонятен, и оттого бесил больше всего.

Глава 6

Маша

Не помня самой себя, я как-то умудрилась проехать три станции на метро, пересестъ в трамвай и выйти на своей остановке. Отсюда до дома было далековато, зато путь пролегал через красивую аллею вдоль паутины университетских общежитий.

«Маша, мне жаль, но мне приказали тебя уволить, — Светлана тяжело вздохнула и закрыла глаза, чувствуя и свою долю ответственности за произошедший вчера инцидент.

— Могли бы и позвонить, я бы не тратилась на проезд, — как бы я ни крепилась, но голос мой дрогнул от рвущейся обиды.

— Маша, я не должна была тебя пускать в раздевалку...

— Светлана, да что я сделала-то? Ну разбила пару бутылок, ну опозорилась. Эти лбы, вон, прошлый сезон слили, даже в плей-офф не вышли, так их позор весь город простил. А меня за пиво решили выгнать? А им вообще можно его пить-то? Спортсмены тупые, — я не выдержала и выплюнула порцию яда.

— Маша, я не тренер, и о рационе спортсменов рассуждать не стану, — Светлана не оценила моего выпада, потому что в отличие от меня она работает в этом клубе

уже двадцать лет. Она любит и парней, и символика для неё не пустой звук. А я так пренебрежительно прошла по ней. — Зачем ты с Лютаевым связалась? Это-то ты мне можешь объяснить?

Слова Светланы вонзились на подкорку роем рассвирепевших пчел и зудели, зудели, заглушая все звуки извне. Стены крошечной каморки, большие подходящей для хранения инвентаря, чем для кабинета главного менеджера, давили. Мне не хватало воздуха, я задыхалась от внутренней паники и едких слез. А ещё меня душила собственная злость, такая противная, густая, плотная.

— Да это не я с ним связалась, а он схватил меня и вышвырнул из раздевалки. Да кто он такой, этот ваш Лютаев? Избалованный птенчик отца-олигарха? Сам-то он собой что представляет? Спортсмен с тонкой душевной организацией? Что-то, когда он своим «агрегатом» размахивал, я не заметила смущения на его лице, — я уже не кричала, просто шептала, хотя знала, что тем самым злю Светлану ещё больше. — Это он заставил меня уволить? За то, что послала его?

— Ты ещё и послала его? Боже, какая глупая девчонка, — снова протянула Светлана. — Они тебе не заплатят.

— Я что, бесплатно отработала две недели?

— Маша, ты не о том думаешь. При чем тут Лютаев и твоя ненависть к нему? Где ты, приезжая студентка, в нашем городе найдёшь ещё такую работу на неполный день?

Три часа в день и пять часов во время домашней игры, — застонала Света и снова схватилась за поясницу. — Ну кто будет платить столько? Опять вернётся в официантки? Бросишь спать, чтобы не пропустить пары? Что ты надедала, девочка? Не Лютаев дал это распоряжение. Ты привлекла внимание не того человека...

Светлана явно имела в виду Аллу, чей взгляд до сих пор фантомным лазером прожигал мой затылок. Она с таким удовольствием наблюдала за моим унижением, а как только заметила, что Лютаев говорит со мной, так её лицо изуродовалось отвращением и злобой. И нос стал крючковатым, и родинка на подбородке показалась отвратительной бородавкой... Бр-р-р-р-р... Ведьма на шпильках!

— Не знаю, что там вы не поделили с Лютаевым, но он не самый плохой человек...

Что она несёт? Это Лютаев-то ангел? Да, он не смотрел на меня, как на добычу, не испепелял отвращением, как Алла или тот же самый Фёдоров. Его глаза были полны... Интересы, что ли. А вот это пугало куда сильнее».

Да, я не была готова к увольнению ни морально, ни финансово. Привыкла к стабильной зарплате, да и Светлана была права, за такие деньги работа была непыльная. Мне хватало, чтобы и самой с голоду не умирать, и чтобы домой деньги отправлять. Что я буду делать теперь? Тех крох, что мне платят за мытьё общежития, не хватит даже на еду! Всё рухнуло их-за одного неловкого движения и тележки без коле-

са, из-за толпы разбалованных идиотов... Из-за НЕГО. Всё в моей жизни из-за него!

Как бы я не сопротивлялась, но в голове до сих пор звенит его низкий, грудной голос:

«Беги, малая...»

Малая? Я тебе, Лютаев, не малая! Но ничего... Сегодня упала я, но вскоре со своего пьедестала рухнет ОН! Уж об этом-то я позабочусь.

— Э! Красотка? Куда опаздываешь? — раздался свист из кустов, и я вовсе перешла на бег.

Сердце подскакивало прямо к горлу, страх забурлил по венам, а истошный свист за спиной лишь больше подгонял меня. Благо крыша моего корпуса уже выглянула из-за пожелтевших верхушек рощицы.

Если бы я не задержалась, чтобы собрать вещи, если бы не пряталась, чтобы не попасться на глаза Лютаеву, то не пришлось бы топать во тьме по не самому безопасному району. Всё из-за него! Всё! Боже, как же сильно я его ненавижу. Порой кажется, что это чувство убивает меня, отравляет, забирает краски, лишает возможности жить и наслаждаться каждым днём. Но иначе я просто не могла.

Когда вдали показался подъезд моего общежития, я уже успела накрутить себя до такой степени, что звонок собственного телефона прозвучал как набат.

Затаив дыхание, я вытащила смартфон и заскулила.

— Да, пап, — сейчас меньше всего мне хотелось гово-

ритель с ним, но прятаться было куда хуже. Уж это-то я точно знаю...

— И где ты? Почему до сих пор не в общежитии? — сходу заорал он в трубку, пропустив приветствие и вопрос о том, как дела у его дочери. — Ты на часы смотрела?

Я и так была зла, а сейчас и вовсе возненавидела Каргу Павловну, нашу комендантшу, чьим хобби было вести милые беседы с родителями студентов. И неважно, первокурсник это или уже пятикурсник. Ей было все равно! Она просто писала сообщения, отправляла фото незаправленных кроватей, бардака на общей кухне и переполненных пепельниц. Ей было фиолетово, курит ли человек, его ли это... Она презирала условности вроде тех, что без хозяев в комнату нельзя входить. В том году даже разгорелся нешуточный скандал. Студенты устроили настоящий бунт, дошли до самого ректора с требованием приструнить чокнутую комендантшу! Но наша Карга Павловна заявила, что почувствовала запах дыма, поэтому взяла запасной ключ и вошла. И ведь ректор даже благодарность ей объявил...

Па-па-ра-па-па... ПУ! Ей можно было всё что угодно. Она держала в страхе весь корпус, а более хитрые студенты готовы были отдать любые деньги, лишь бы переселиться от неё подальше. Жители других общежитий наш корпус и вовсе обходили стороной, называя Каргу Павловну – Сталиным в юбке. Но был и неоспоримый плюс: у подъезда чисто, на газоне цветут цветы, никаких пьяных сборищ и шума после от-

боя. Правда, и в здание не попасть, если ты чуть задержался.

— Пап, я поздно освободилась с работы, — попыталась я вставить слово в тираду его беспочвенных обвинений.

— Да какая работа? Разве это работа? Ты присылаешь сущие копейки, и мы вынуждены выживать на них всей семьёй! — отец больше не орал, он чеканил слова, что летели в меня убийственными пулями. — А сама там жируешь в своем городе. По клубам ходишь, у мужиков зависаешь... А я говорил, что над бабой контроль должен быть, иначе она стремительно превращается в шлюху! Все вы такие... Все! Ну? Говори? Где ты, дрянь, шлялась?

— Папа, хватит, — у меня больше не было сил ни слушать, ни рыдать, ни оправдываться. Это попросту было бессмысленно.

— Ты что, меня затыкаешь? Какая-то малолетняя потаскуха будет мне рот затыкать? — и я только сейчас уловила знакомые нотки... Он опять пьян.

Он же обещал... Сто раз обещал, что сейчас все будет иначе...

Я опустилась на скамейку, нащупала под ногами камень и обернулась к светящемуся окну каморки комендантши, представляя, как же она будет орать, если я запущу в него булыжник.

— Где деньги? Сегодня первое число, а денег нет!!!!

— Я сейчас... Я переведу, — шептала я, мечтая лишь о том, чтобы он заткнулся. — На телефоне закончился интер-

нет, я только...

— А что, твои хахали не закидывают тебе денег? Или ты плохо стараешься? — хрипло рассмеялся отец и повесил паузу, наслаждаясь звуком моего тихого плача. — Если через минуту не будет денег, я собираюсь и еду к тебе!

Отец бросил трубку, а я до сих пор слышала его фантомные крики. Это только начало, потому что за месяц я не найду новую работу, а значит, вскоре снова буду слушать ор и тонну оскорблений. И тогда он точно придет, чтобы опозорить меня на всё общежитие.

Уже отточенным движением я опустошила свою карту, отправляя почти все деньги отцу, оставила лишь сто рублей на проезд, а в ответ получила сообщение:

«Вот так нужно было сразу! Быстро домой! Девочка, не заставляй меня тебя наказывать...»

Я выключила телефон и уронила голову на руки, закрылась от мира, пытаясь вновь выстроить безопасную стену. Но ничего не получалось... Сегодняшний день пробил в ней явную брешь.

—Мышка! — я так глубоко провалилась в свои переживания, что не заметила, как перед подъездом затормозила спортивная тачка кричащего изумрудного цвета.

Глава 7

— Мышка!

Тонированное стекло опустилось, являя широкую белозубую улыбку того разговорчивого блондинчика из команды. Так как я редко убирала помещения, где находились хоккеисты, то имён я их попросту не знала. А лица и вовсе по наклейкам на шкафчиках выучила. Им, как в детском садике, шкафы не подписывали, а клеили стикеры, словно они и читать не умели.

— Привет, — парень вышел из машины и осмотрелся. — Далеко же ты забралась. Значит, ты учишься в УПИ?

— Что вам нужно? — я поднялась и достала сумку, выискивая пропуск, без которого Карга Павловна в общагу не пускала. Гестапо, блин...

— Вам? Боже, как официально. Расслабься, я кусаюсь только на льду, в отличие от нашего кэпа. Значит, и живёшь ты в общаге? — парень присвистнул, пробежав взглядом по серому фасаду здания. — Не страшно?

— Я не услышала ответ на свой вопрос. Что вам нужно?

— Я так понимаю, ты меня не знаешь? Максим Савин, — парень шагнул в мою сторону, но я была на таких иголках, что невольно вскрикнула от резкого телодвижения, а он отпрыгнул, вскинув руки вверх. — Ты чего орешь? Больная, что ли? Я хотел поздороваться...

Точно! Савин... Полузащитник, серая тень Лютаева на льду.

Парень явно опешил от моей реакции, и без того большие голубые глаза округлились, выражая полный шок. Ничего... Переживёт.

— А вы зачем меня преследуете? Приехали, чтобы посмеяться? Да? Чёртова сумка, — я обернулась к нему спиной и вытряхнула содержимое своей сумки на скамейку, пытаюсь отыскать пропуск.

— Зачем мне тебя преследовать? — он усмехнулся и аккуратно подошел, а потом развел пышные ветки куста и вытянул оттуда синюю корочку студенческого билета и лежащий в нём электронный пропуск. Савин выставил руку, решив на всякий случай не приближаться ко мне, если вдруг я опять начну орать.

— Спасибо, — я аккуратно забрала студенческий и начала обратно упаковывать свои вещи. — Так что вас сюда привело? Надоело жить в особняке? Решили нюхнуть обычной жизни?

— Слушай, а может, и не зря тебя уволили, — усмехнулся он, но получив острый взгляд, снова вскинул руки в примирительном жесте. — Молчу-молчу... Ты чего злая-то такая?

— А то, что из-за вас меня уволили! Мне сейчас срочно нужно искать новую работу, а это не так-то просто. Никто не хочет брать студентов... Хотя кому я это рассказываю? — я закатила глаза и мысленно на себя наорала за излишнюю

откровенность. — Ты скажешь, для чего явился? Мне пора, а то общежитие через пять минут закроется.

— И что? — Максим снова потряс головой, словно не понимал, что это может значить.

— Савин, говори!

— Ладно, — он взъерошил и без того лохматые волосы своей огромной пятерней и медленно потянулся к внутреннему карману своей куртки. — Вот, короче... Я слышал, что тебе не заплатили, а я с детства терпеть не могу несправедливость.

Я с диким ужасом наблюдала, как Савин вытаскивает из кармана белый конверт. Тут и экстрасенсом не нужно быть, чтобы понять, что там лежат деньги. Это что, подачка?

— Что это?

— Ну, считай, что это моральная компенсация за нанесенный вред.

— Это Лютаев передал? — я вспыхнула, благодаря всевышнего за то, что меня уволили, иначе бы я его смазливую морду по бортику прокатила.

— Ага, — Савин вдруг рассмеялся, но заметив моё ошалелое выражение лица, чуть сбавил громкость. — Держи, Мышка. Нам очень жаль, бла-бла-бла... Не обижайся.

Он силой всучил мне конверт в руку, пальцы сжались, а расслабить я их уже не могла в силу бурлящей ярости.

— Ты что, мне подачку от вашего кэпа передал? Да кто он такой? Посылает своего прихвостня, чтобы спать спокойно?

— шипела я, медленно наступая на Савина, но тот и не думал отходить, лишь его взгляд стремительно менялся, становясь каким-то серым, задумчивым. Он даже нахмурился и громко хмыкнул, словно какая-то ошалелая мысль посетила его голову. И вот тут я прикусила язык...

— Мышка, а правда, ты какого черта злая-то такая? Мы что, котёнка твоего украли? Или по нашей просьбе ты с работы вылетела? — чем дальше он говорил, тем откровеннее звучало сомнение в его голосе. — Да что, черт возьми, с тобой?

— А что с вами? Испорченные, избалованные и самолюбленные мальчишки! Я на вас год пахала, а вы меня не замечали, но стоило упасть в раздевалке, так вы принялись оттачивать своё острословие на мне? Конечно, вы же родились с золотой ложечкой во рту... Бед не знали!

— Мышка, ты бы язычок прикусила, — вдруг захрипел Савин и резко обернулся. — Я не знаю, в чем твоя проблема, но поверь, счастье не измеряется баблом. Ты думаешь, что все про всех знаешь? Если у человека есть дорогая тачка, значит, его можно смешивать с грязью? О, нет! Я умываю руки, — Максим рассмеялся и прыгнул в машину. — Беги, Мышка, а то общежитие закроют...

Он отъезжал медленно, при этом не сводя с меня своих посеревших глаз, где смешинки сменились любопытством и каким-то сверкающим подозрением.

И тут я поняла, что вляпалась...

Вдруг послышалось противное шарканье за спиной, и я резко подорвалась, в последний момент просачиваясь в дверь проходной. Карга только брякнула ключами, а я уже пикнула пропуском и, послав ей самую омерзительную улыбку, побежала к себе в комнату.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — шипела я, перескакивая через две ступеньки.

Влетела в наш бокс, сбросила сумку на пол и медленно скатилась по двери. Сердце дубасило по ребрам, оглушая мощными толчками. Ничего не видела, не слышала... Лишь чувствовала монотонное жужжание зажатого в руке телефона.

На экране высветилось имя брата, и я выдохнула...

— Да, Лёня, — собрала силы в кулак и произнесла как можно спокойнее.

— Мелкая, привет, — он тоже притворялся, нарочно выдавливая из себя смех. — Ты как?

— Нормально... А ты как? — я пулей вбежала в комнату, мысленно радуясь, что моей соседки до сих пор нет. — Отец опять пьяный?

— Значит, звонил... — прошипел Лёня. — Маш, ты не обязана разгребать это дерьмо! Это я старший брат, это я должен был о вас всех позаботиться! Живи, Машка! Убегай оттуда! Слышишь?

Должен был... Но тебе помешали.

Я закрыла глаза, до боли прикусила кулак, ощущая метал-

лический привкус крови на языке.

— Всё хорошо, братик. Всё у нас будет хорошо... Давай я тебе перезвоню? Мне пора мыть коридоры. Если опоздаю, то Карга Павловна опять отцу позвонит, — весело произнесла я.

— Эту чокнутую ещё не траванули? — рассмеялся Лёня, пряча обреченность за напускной легкостью.

Что бы он ни говорил, но мы оба знали, что никуда я уже не сбегу. На этой ветке метро нет промежуточных станций, а значит, и сойти мне не удастся.

Глава 8

Лютаев

Я сидел на паре, но совершенно ничего не слышал. Профессор с тоскливой обреченностью разжевывал тонкости громкого дела для будущих акул юриспруденции, прекрасно понимая, что большая часть студентов здесь исключительно ради пресловутой корочки и никогда не свяжет свою жизнь с адвокатурой.

— Илюша-а-а-а-а, — протянула Вика и, пользуясь тем, что профессор отвернулся к доске, перемахнула на мою скамейку.

В нос ударило приторное облако сладкого парфюма, и меня накрыла мигрень. Виски запульсировали, зудящая боль поселилась где-то в затылке блуждающей шаровой молнией. Её ладонь так по-хозяйски легла сначала мне на шею, после сместилась вниз, оглаживая грудные мышцы, а когда потянулась к прессу, я звонко цыкнул, и Вика нехотя отняла свои шупальца.

— Ты не забыл про билетки? — простонала жгучая брюнетка с огромными губищами кроваво-красного цвета. — Мы с девчонками уже договорились в деканате, нас отпустят на выездной матч в качестве группы поддержки. Ты рад? Мы уже придумали костюмы, сегодня будем рисовать баннеры в поддержку наших героев.

Вика не говорила, она буквально стонала, меняя темп дыхания от томного и протяжного до быстрых и пугающе резких выдохов. Меня уже давно не очаровывает женское внимание, и, приходя в универ, я стараюсь спрятаться в компании друзей, чтобы не ходить мишенью по коридорам.

Слишком много фальши в этой напускной доброжелательности.

Оказавшись в основном составе, имя Ильи Лютаева растворилось, для них я просто Лютый из первого звена. Вот только я играю в хоккей не для того, чтобы снимать сливки популярности, а потому что люблю хоккей всем сердцем.

— Чеснокова, ну ты же была в деканате? Неужели там тебе не сказали, что все халявные билеты у них? — я чуть сдвинулся по скамейке, только бы не задохнуться от насыщенного парфюма.

— Илюша-а-а-а, — она снова приблизилась, а через мгновение на моё колено опустилась ее костлявая рука. — Ну, ты чего такой грубый? А нам же было так хорошо...

— Вик, тебе что надо? — я чуть развернул корпус, всматриваясь в её хитро прищуренные глаза. — Скажи прямо, тогда и унижаться не придётся. Ты же ненавидишь хоккей, какого черта тебе приспичило ехать в другой город?

Я обернулся, заметив группу девчонок, что откровенно веселились, наблюдая за настырной предводительницей, пытающейся соблазнить меня. Они шептались, хихикали, явно восторгаясь смелостью Чесноковой.

— Ну ладно-ладно... Схожу в деканат, просто хотела получить билетики из твоих рук. Илюш, а ты будешь на дне рождения клуба? — Вика не замечала моего тона, пропускала мимо ушей подколки, я порой поражался её целеустремленностью. — О... Мне рассказывали про эти безумные вечеринки. А мне удалось попасть в списки приглашенных.

— Чеснокова, а при чем тут ты? — я чуть наклонился к ней, стараясь не вдыхать носом. — Что, Петров тебя кинул? Ищешь новый член, чтобы снова стать той самой тёлкой капитана? Не хоккей, так футбол... Не футбол, так баскетбол. Так? Спорт неважен, главное — результат?

— Лютаев! — она глупо захихикала, и её ладошка двинулась по колену вверх, прямо к моему паху. — За юмор в вашей парочке явно отвечает Савин.

— Мне жаль, если ты считаешь бред, извергаемый Савиным, юмором. Я не буду тебя трахать, Вика, и под ребят своих тебя тоже подкладывать не собираюсь, — зашептал, наклоняясь все ниже и ниже, что вызвало полный восторг на верхних рядах аудитории. — А ты переводись на факультет физкультуры, раз у тебя такая тяга к спорту.

— А что, если я всем расскажу, что ты трахаешь Кобак? — Вика выдержала паузу растерянности, а в глазах заплясали черти. Она только притворялась, что дерзкая, бесстрашная, но тело-то не обмануть... Девушка вся сжалась, зрачки сузились, а после пустились в дикую пульсацию, поглощая серость радужки.

— А что, если я расскажу, что на факультете не осталось ни одного члена, что не побывал в твоём рте? Один намёк, и через сутки весь универ будет знать о твоих героических похождениях. Ну? Как тебе встречное предложение?

Горло вспыхнуло резью, пальцы сжались в кулаки... Чёрт возьми, она-то откуда знает про Кобак?

— Но это неправда! — шикнула Вика и вцепилась ногтями мне в бедро.

— Да? А что больше неправда, что ты сосалка знатная, или что я трахаю Кобак? — цедил я, даже не моргнув взглядом, чтобы не давать ей повода для шантажа. — Кому поверят, Викус? Тебе? Или мне?

— Сволочь ты, Лютаев!

— Приятно познакомиться, — протянул я, с удивлением наблюдая, как по лестнице вдоль стеночки крадется Савин. Его появление произвело настоящий фурор, он прикидывался человеком-пауком, широко улыбался и попутно здоровался с парнями.

Его талант заводить друзей иногда просто обезоруживал! Казалось, он знает весь город, а о нём слух расходится и за его пределы.

Если наше с Викой перешептывание профессор старался не замечать, чтобы не превращать пару в цирк, то от подобного хамства его очки чуть ли на лоб не полезли вслед за глазами.

— Савин? Ты что забыл на моей лекции? Мы с тобой, сла-

ва тебе, Господи, распрощались в том году! — захрипел Савёлов, размахивая длинной указкой. — Ты же пятикурсник! Проваливай!

— Геннадий Витаминovich, да я соскучился по вашим лекциям просто! Я тихонько послушаю, чесслово!

— Вениаминович, Савин! — машинально ответил профессор, не осознавая, что кладет палец в рот тигра.

— Нет, Савин — это я, — не унимался Макс, продолжая двигаться в мою сторону. — А вы Савёлов Геннадий Витаминovich, мой любимый профессор.

— Вениаминович! — профессор шлепнул указкой по столу, заглушая волну смеха, прокатывающуюся по рядам. — Я — Геннадий Вениаминович!

— Упс... Ошибочка вышла, — Савин снова натянул ангельскую улыбку и нагнулся к Чесноковой. — Исчезни, Вика, взрослым дядям потрещать надо.

— Савин, сам вали отсюда... — началат было Вика, но Макс просочился между нами и бесцеремонно сдвинул этот источник зловония в конец длинной парты. — Боже, какие же вы придурки!

— Приятно познакомиться, — повторил Макс мои слова и помахал ей вслед.

— Клоун, блин, — я ткнул друга в бочину. — Мне зачет Витаминачу сдавать, а ты меня подставляешь!

— Лютаев, ты же задрот-отличник, сдашь и никуда не денешься, когда разденешься, — заржал Савин, но поймав

взгляд Савёлова, прикрылся моей тетрадью, продолжая корчить рожи профессору.

— Савин, это тетрадь на пружине, и я всё вижу!

— Инсульт, Геннадий Вита... Вениаминович. Последствия игры в хоккей. Не обращайтесь внимания на убогого, — Савин прилежно сел, сложил руки на парте и закивал, намекая, что профессору бы лучше вернуться к лекции, пока пара не закончилась. — Продолжайте, я весь внимание.

— Макс, я благодарю Бога, что ты старше меня, — выдохнул я и забрал свою тетрадь, где с начала лекции успел написать только дату. — Чего припёрся?

— Помнишь, ты хотел, чтобы я узнал о Мышке?

— О чем? — я ошалело обернулся к другу. — Ты чё несешь?

— Разве нет? — он закатил глаза, прикидываясь, что что-то вспоминает. — Не просил, что ли? Упс... Просто ты так выразительно на меня посмотрел на тренировке, что я подумал...

— Савин, думать — это не твоё!

— Согласен. Зато я охренительно классно действую, за это ты меня и любишь. Короче, Мышка учится в УПИ, живёт в общежитии, а ещё у неё явно психическое расстройство неясной природы, — Савин скинул смешливое выражение лица и застучал пальцами по парте, тараторя факты, как из пулемёта. — Я даже не успел ничего натворить, а Мышка всех собак на меня спустила. Да она сама — злющий чихуахуа:

мелкая, зубастая, кровожадная. А я всего-то ей дал денег.

— Что ты ей дал? — я буквально продирался через его тираду бессмысленности к сути.

— Денег я ей дал. Твоя Алка приказала уволить Мышку, не выплачивая зарплаты. А мне стыдно стало, — выдохнул Савин, скучаяюще осматривая аудиторию. А вот это правда... Савина невозможно остановить даже танком, и только стыд может сорвать его стоп-кран, после чего его клоунада прекращается. — Я вроде как тоже виноват в том инциденте.

— Да? И каким это образом? — я прищурился, осознав, что действительно не знаю, что именно случилось в раздевалке. Я же был в душе. Сначала один, а потом через техническую дверь, минуя раздевалку, туда просочилась ненасытная Алла, жаждущая поздравить меня с победоносным дублем.

— Да мы с Добрыней перекидывались полотенцем, я сразу не заметил малявку, а она, очевидно, испугалась летающих снарядов и рухнула на пол, — вздохнул Савин. — Вот я и решил компенсировать ей зарплату.

— И...

— А она меня чуть не покусала! — шикнул Савин и снова обернулся. — Друг, как думаешь, а после человеческого укуса нужны уколы от столбняка?

— Сам ты столб, Савин, — прохрипел я. — Какого черта ты вообще за ней попёрся?

— Я ж говорю — стыд замучил. А как услышал от одной

из сотрудиц, что Мышке не заплатили, так и вовсе дурно стало. А чего её искать? Я пролез в офис Светика, нашёл её данные, и готово.

В этот момент по коридору пролетела трель звонка, и студенты подорвались с места, не дожидаясь окончания лекции. Но ни я, ни Макс не шелохнулись. Я паялся на своего неуёмного друга, а тот, упершись в ладонь, улыбался Савёлову.

— Спасибо за лекцию, Геннадий Вениаминович... Очень познавательно! Как жаль, что в последний год своего обучения мы больше не увидимся. А вы не против, если я буду забегать поностальгировать?

— Лютаев, тебе бы хорошо подготовиться к зачёту, — просипел Савёлов, покрываясь красными пятнами ярости, и буквально выбежал из аудитории.

— Ну ты и мудак, Савин...

— Приятно познакомиться, — заржал Макс и бросился от меня вниз по лестнице. — Лютый, подбрось на тренировку? Меня мать наказала и забрала тачку.

— Пешком пойдешь!

— Ну, ты чего... Мы же лучшие друзья! — Макс обнял меня и кулаком принялся елозить мне по макушке.

— Ладно, погнали, только сначала перекусим, я от голода сейчас сдохну...

Глава 9

Маша

Признаться, я была весьма ошарашена, когда в восемь утра мне позвонила Светлана. Я как раз собиралась выбежать в универ, а её просьба заехать после пар на арену выбила меня из колеи.

Я уже мысленно попрощалась и с ареной, и с хоккеем, и с тёплым местечком и отличной зарплатой. Но её звонок застал меня врасплох. Я начала накручивать себя, думая о том, что меня ждёт. А если они мне выставят счет? Что, если я ещё окажусь должна клубу? Стоит ли ехать, ведь в кошельке всего сто рублей, большая часть которых уйдет на проезд.

Вопросов было много, но ответ мне могут дать только там... Поэтому сразу после пар я отправилась на Ледовую арену. Чтобы сэкономить свой жалкий бюджет, большую часть пути пришлось идти пешком. Усталость и злость вопили и требовали открыть переданный конверт, но гордость заглушала эти вопли, напоминая, что я не на помойке себя нашла. Мне было противно даже прикасаться к этому конверту. Я забросила его в рюкзак, так ни разу и не заглянув во внутрь, хотя любопытство почти победило.

Да, у меня нет состоятельных родителей, а на моих плечах тяжестью висит вся моя семья. От меня зависит, что они будут есть, хватит ли денег оплатить коммуналку, или опять

придется ходить мыться в баню к соседям и топить буржуйку старой мебелью из гаража. Но я не настолько упала, чтобы подбирать подачки... Хотя, возможно, это и глупо.

Я же себя потом не буду уважать, если возьму деньги своего врага! Я могу позориться, могу не спать сутками, впахивая официанткой, уборщицей, курьером, но зато эти деньги я заработала своим трудом. А значит, и стыдиться мне нечего...

— Светлана? — я тихо поскреблась в каморку к начальнице и просунула сначала голову, чтобы разведать обстановку.

— Проходи, Маша, — Светлана медленно поднялась, взяла со стола мой пропуск и ключ от шкафчика. — Я не знаю, что там произошло, но Алла Леонидовна приказала вернуть тебя обратно. Пропущенная вчера смена будет оплачена, на извинения от руководства можешь не рассчитывать, не надейся. Но я очень рада, что недоразумение разъяснилось.

Недоразумение? То, как они играют мной — это всего лишь недоразумение? Я стояла, боясь пошевелиться. Не дышала и ждала, что Светлана скажет, что это шутка, и чтобы я поскорее проваливала отсюда.

— Это что, правда?

— Чистая, — женщина передала мне документы и обняла. — Давай, беги переодевайся и приступай к работе. График в комнате, я тебя уже вписала. Так, мне пора в отдел кадров, там новеньких принимают. Посмотрю хоть, с кем придётся работать. И ещё... Держись подальше от раздевалки парней,

я на тебя повесила третий этаж, там ты точно будешь в безопасности.

Я от благодарности готова была расплакаться. Да, третий этаж ненавидели все, ведь там были прачечная, склад инвентаря, кабинеты тренеров, и поток людей был бесконечный, следовательно, и работы море. Но кого там никогда не было, так это хоккеистов и администрации.

Я кинулась в объятия Светланы, крепко сжала её, тихо шепча благодарности.

— Так, утри сопли и иди работай. Но знай, что твоё волшебное возвращение – не моих рук дело. Не знаю, какая курица клюнула Кобак, но благодари того, кто совершил это чудо. Я никогда не думала, что эта гримза умеет менять свои решения.

— Я буду тише воды, слово даю. Светлана, одна просьба, — я скинула рюкзак и достала тот конверт. — Вы не могли бы передать это Лютаеву? Тут никакого криминала, честное слово! — я сложила руки в умоляющем жесте, рассчитывая, что женщина сжалится.

Светлана недоверчиво меня осмотрела, а потом кивнула на свой стол, и я швырнула его и с облегчением выдохнула.

Когда она ушла, я прислонилась к подоконнику в коридоре, до сих пор не веря в реальность. Я всю ночь не спала, пытаюсь придумать, что делать дальше. Если в следующем месяце не отправлю отцу денег, то он не просто приедет, он заставит меня забрать документы из университета и отпра-

вит домой! И вот там моя жизнь и закончится...

А сейчас я снова смотрю на пластиковый пропуск и не верю удаче.

Неужели это правда?

— Рано радуешься, — разнеслось эхом по коридору, и я услышала цокот каблучков. Алла появилась из-за угла, как привидение. Странно, что я её не услышала раньше, ведь акустика в коридорах подтрибунного пространства выдавала бы даже шорох мыши. Если только Кобак не стояла там все это время и не подслушивала.

— Алла Леонидовна, — я вытянулась и даже попыталась улыбнуться, но только выражение лица Кобак не сулило для меня ничего хорошего.

— Довольна, маленькая гадюка? — цедила она, подходя ко мне все ближе и ближе. — Думаешь, тебе что-то светит? Ты перечитала сказок про замарашек и принцев, что ли? Ты хоть знаешь, кто такой Лютаев? Он же поиграет тобой и бросит! Мой тебе совет, маленькая дрянь — не обольщайся... И ещё один, бонусом — не вставай у меня на пути! Раздавлю суку! — Кобак толкнула меня, прижимая спиной к подоконнику.

Я рядом с высокой Аллой казалась и вовсе подростком. Ей даже пришлось наклониться, чтобы посмотреть в глаза, и по коже побежали мурашки. В её взгляде столько злости было, столько тихой ненависти, что стало жутко.

— Я уничтожу тебя, дрянь. Тебя вышвырнут из клуба, из

университета, отправишься в свою деревню коровам хвосты крутить. Я не Лютаев, меня голубыми наивными глазками не проймёшь. Я вас, лимиту завистливую, за сто километров чую. Ничего тебе с ним не светит, сука. НИ-ЧЕ-ГО! Уяснила?

— Я не понимаю...

— Всё ты понимаешь. Я все ваши уловки знаю. Думаешь, если богатый мальчик пожалеет тебя, то сразу приведет в свой замок с родителями знакомить? О свадьбе мечтаешь? Нет, Машка, ты обычная потаскуха, а на таких не женятся. У них фамилия, у них связи, а ты кто? Вот кто ты? Пешка!

Её слова не делали больно, потому что все это я уже много раз слышала от своего отца. У меня иммунитет на оскорбления, потому что я-то знаю, что это неправда. Да, я маленькая и беспомощная пешка, но когда игра заканчивается, и король, и пешка оказываются в одном ящике.

Вдруг по коридору загуляли тяжелые шаги. Алла отпрянула, стерла с лица гримасу отвращения, и когда из-за угла вышел... Лютаев, она уже приняла позу сексуальной кошечки с ослепительной белозубой улыбкой хищницы.

Её стремительное превращение обескураживало. Я на миг даже поверила, решив, что все ранее сказанное было плодом моего больного воображения. Алла смотрела на Лютаева, как на пирожное с кремом, только не облизывалась от жадности.

Он был в обычном спортивном костюме, широкий капю-

шон натянут на лицо так низко, что виднелась лишь тяжелая челюсть, покрытая пугающе густой щетиной. Илья был в наушниках, шел, смотря под ноги, и тяжело дышал, как загнанный зверь. Голубая толстовка была мокрой насквозь, ткань облепила могучий торс, натруженные тренировкой мышцы.

— Илья! — окликнула его Алла, но тот даже не дернулся.

И лишь проходя мимо меня, он на миг вскинул глаза, царапнув по мне холодом полного безразличия. Кожа вспыхнула, как от пореза тонким лезвием. Я перестала дышать...

Это мгновение было похоже на кадр из фильма. Оно длилось бесконечно долго! Его прозрачные глаза искрились, губы чуть изогнулись в хищной ухмылке, а на щеке показалась глубокая ямочка.

Он слегка толкнул меня плечом, словно я ему мешала. Словно я была пустым местом, препятствием на его пути! И сердце снова кольнуло... В нос ударил не пряный аромат тяжелого парфюма, а горьковатый запах пота и ментол спортивной разогревающей мази.

Он проигнорировал не только меня, Илья не откликнулся и на голос Аллы, но я-то слышала, что в его наушниках было тихо. Он просто прошёл мимо!

Я не шевелилась, смотрела ему вслед, понимая, что совершаю катастрофическую ошибку, потому что свидетелем этого стала Алла. И лишь когда шаги стихли в конце коридора, я втянула воздух, борясь с головокружением...

Никчемное оцепенение вновь сменилось яростью, я вновь

смогла думать, шевелиться, даже улыбаться униженной его холодностью и безразличием Алле.

— Дрянь! Я же уничтожу тебя, — произнесла Алла, как клятвенное обещание, которое она непременно выполнит. — Я всё о тебе знаю, Мария Кирилловна Новик. Всё-всё про тебя знаю. Меня не обмануть.

А значит, мне нужно не только держаться от Лютаева подальше, но и искать запасной план, потому что если она говорит правду, работать мне тут осталось недолго...

Глава 10

Лютаев

— Дьяволы! Дьяволы! — скандировали мужики, синхронно опустошая стопки со спиртным.

А меня даже передернуло от одного запаха этой прозрачной мерзости, после которой голова чугунная, а все звуки превращаются в звон гонга, норовя расколоть черепушку.

Поэтому я цедил пиво из бутылки, вызывая недоумение у парней.

Сегодня нашему клубу было десять лет, и в честь этого события руководство обратилось к отцу Савина, и для нас закрыли бар недалеко от арены. Такого количества народа я давненько не видел. Тут были и студенты, и высшее руководство, и весь тренерский состав за все существование клуба. Все такие чопорные, важные...

— Якубович старается, — толкнул меня в бок Савин, указывая на директора команды, Кобака Леонида Аркадьевича. Но все в команде называли его «Якубовичем» из-за имени и жиденьких усиков под горбатым носом. — Речь какую толкнул — закачаешься. Хочется прям щас схватить клюшку и броситься на покорение вершин.

— Скоро он свалит, не переживай, — я, если честно, тоже уже поглядывал на дверь, готовясь улизнуть сразу, как только уйдет руководство.

— О-о-у, полундра, — зашипел Савин. — Якубович идёт к нам! Лютый, я сваливаю... Ты только не вздумай проболтаться, что спишь с его дочерью, иначе проблем станет ещё больше.

— Савин! — я попытался удержать Макса, но он оказался куда проворней.

Мой друг незаметно растворился в расслабленной толпе гостей, только бы не попадаться на глаза спортивному директору, у них были свои сложные и даже немного абьюзивные отношения. Хотя... С Савиным иначе и быть не может. Он вытрахает мозг любому! Конечно, если у него хорошее настроение, а оно у него такое всегда.

Я выкинул средний палец, прекрасно понимая, что Макс по-любому это увидит.

— Илья, привет, — Якубович хлопнул меня по спине и сел в кресло рядом. — Ну, как дела у нашего лучшего нападающего?

— Ну, если ко мне подходит директор, то, очевидно, что не очень? — хмыкнул я и попросил у бармена стакан воды, потому что пиво нагрелось, превратившись в горьковатую бурду.

Якубович облокотился на спинку барного стула и развернулся, безошибочно найдя в толпе свою любимую дочь. Старик млел, как только её видел, поэтому фраза Савина была вовсе не бредовой.

— Илья, я скажу прямо, чтобы не отнимать время ни у

тебя, ни у себя самого. Ситуация со статьями явно обостряется, и это вызывает озабоченность клуба.

— Серьёзно? — не удержался я от смешка. — Меня почти год безосновательно прессуют, а клуб только сейчас проявил озабоченность моей репутацией? А ничего, что это прописано в нашем контракте? Хотя... Вы же не о моей репутации печетесь, верно?

Злость новой волной прошла от макушки до пяток, напомнив, что я всё же учусь на юридическом. Да и в тонкости контрактов меня посвящали не профессора, а сам Евгений Савин, а ему верит даже мой отец.

— Илья, скандал не нужен ни клубу, ни тебе в преддверии смотров в сборную. Признаться, я не в восторге, что рискую лишиться ведущего игрока в самый разгар чемпионата, — Леонид Аркадьевич махнул рукой, указав бармену на свой пустой бокал.

— Вы что-то путаете, товарищ спортивный директор... Игроки не ваши крепостные, чтобы не отпускать их в сборную страны. А вот заботиться об их репутации и не отдавать имя под каток бумагомарателя, гордо называющего себя журналистом, это ваша прямая обязанность. Или я что-то путаю?

— Ну ладно, — он почему-то улыбнулся себе по нос, прячась за жиденькими усиками. — Мне звонил тренер сборной, Илья... Сказал, что если ты снова вляпаешься в какую-то историю, то о сборной можно забыть. Сам понима-

ешь, спорт должен вдохновлять, привлекать и захватывать молодое поколение, отлучая от дворовой жизни и потенциального криминала. А эти статьи идут вразрез с глубинной целью.

— Чёрт, — вдруг расхохотался я, оборачиваясь всем корпусом к щупленькому, худенькому и с виду болезненно бледному директору. — А ведь единственный интересант в этом споре — вы, Леонид Аркадьевич. Вы сами сказали, что не хотите отпускать меня в сборную, и я даже вас понимаю. Вы лишаетесь первого звена, ведь и Савина там ждут. Но вопрос в другом... Почему статьи заказаны только на меня? Что, на Макса денег не хватило? — я чуть наклонился, и Кобак во все сжался, растерянно тараща на меня серые глаза. — Или вы наивно полагаете, что мы с Максом настолько неразлучны, что он откажется ехать без меня?

— Лютаев! — Кобак очнулся, наконец-то решившись парировать. — Ты что городишь? На хрен мне тебя топить? Ты — звезда нашего клуба, ты в резерве на переход в основной состав!

— Тогда сделайте что-нибудь! — зарычал я и, не в силах больше сдерживать бурлящие эмоции, толкнул бутылку, но явно перестарался, потому как она заскользила по каменной поверхности, устремляясь на другой конец стойки. И лишь внезапно выкинутая рука остановила смертельный танец бутылки, а следом показалась хитрая морда Савина, который, спрятавшись в толпе, мирно подсушивал наш разговор.

Джеймс Бонд, бя...

— Мы подготовили обращение в полицию...

— О! Целое обращение, даже не заявление? Тогда я спокоен... А вас не смущает, что новость о драке в клубе вышла рано утром? — перебил я его, внезапно поймав пугающую мысль. — Инцидент произошёл ночью, а уже утром весь город гудел новой порцией скандала. Он что, следит за мной? Ну, или это, и правда, ваших рук дело, многоуважаемый Леонид Аркадьевич.

— Лютаев, я ещё раз говорю, что мне башку открутят, если я позволю себе очернять имя клуба, будь то основной состав или дубль команды! И вообще, почему ты так со мной разговариваешь? — Кобак захрипел и начал суетливо слезать со слишком высокого для его роста стула. — Давай не будем ссориться?

— А мы и не будем, если вы, как спортивный директор, начнёте выполнять свою работу!

— Короче, Лютаев, ещё один косяк, и о сборной можешь забыть. Это не мои слова, а тренера сборной. Нам очень жаль, но такова жизнь, — процедил он, выплёвывая яростную слюну, что оседала капельками на его противных жиденьких усиках. А после гордо вскинул голову, развернулся, сходу аплодируя тосту, что вещала со сцены его обожаемая дочурка, и растворился в толпе.

Алка заметила, что наш напряженный разговор окончен, и стала игриво хлопать ресничками, не сводя с меня глаз. Но

вместо легкого возбуждения, по венам потекло раздражение. Я демонстративно отвернулся, благо ко мне со спины уже подошёл Савин.

— Что, брат, дело дрянь?

— Уплыла от меня сборная, — тяжело выдохнул я, впервые решив, что пара стопок мне сейчас не повредит. Но я дал слово... И даже не отцу, а самому себе, поэтому быстро отмел эту мысль.

— Да брось, если Якубович не хочет действовать, то мы сами вычислим этого придурка, — Макс редко говорил серьёзно, но сейчас его голос аж звенел от ярости. — Идём, мы с парнями нашли уютное местечко, чтобы не светиться на глазах у руководства. Да и от Алки тебя бы увести нужно, пока она не набросилась на тебя на глазах у папки.

Савин схватил меня за локоть и втолкнул в толпу, откуда вывел к небольшой лестнице на цокольный этаж. Но стоило нам пройти всего один пролёт, как дорогу преградила Светлана, наша волшебница по чистоте и порядку.

Мы любили её всей командой и называли Светиком, несмотря на значительную разницу в возрасте. Так вот сейчас Светик была сильно смущена, на щеках полыхал румянец, она даже глаз не могла поднять, пялясь себе под ноги.

— Илья, я не успела тебя поймать после тренировки, — начала было она, а после медленно потянулась к карману широких брюк, вытаскивая оттуда белый конверт с гербом клуба. — Не знаю, твоих это рук дело, или Алла Леонидовна

просто передумала, но все равно спасибо, что Машу вернули на работу.

— Какую Машу? — встрял Савин, точно так же, как и я, непонимающе глядя на Светлану.

— Савин, не тупи, — шикнул я, глядя на конверт, вот только я искренне не понимал, почему она обращается ко мне, а не к Савину. — Ну, так и что? Мышку вернули на работу, мы рады. Светик, не тяни. Что случилось?

К горлу подступило горькое раздражение. Каждый день... КАЖДЫЙ день я, если и не встречаю Мышку, то наталкиваюсь на разговоры о ней. Мир словно сговорился, заключив меня в плотное информационное кольцо, больше похожее на капкан.

И везде она! Везде эта Мышка с серебристыми волосами и теплыми карими глазами. Да сама её внешность была нетипичной. Блондинки – классика жанра, но все они сплошь голубоглазые или с легкой таинственной серостью. Но её глаза карие... Как кленовый сироп или капля смолы.

Какого черта я все это помню?

— Илья, Маша попросила передать это вам, — на выдохе произнесла женщина, всучила мне конверт и убежала вверх по лестнице, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Звук гуляний растворился, в ушах что-то застучало, зашвистело. Я рванул конверт, увидев пачку банкнот, и рывком обернулся к Савину. Вопросы было задавать бессмысленно, все на его тупом лице было написано.

— Савин? Какого черта? Это схема обнала такая? Ты передаешь ей, а она возвращает мне? — я было рванул на друга, но тот ловкой змейей прошмыгнул под моей рукой. — Ты что, ей сказал, что деньги от меня?

— Конечно... Ты её спас от тупоголовых спортсменов, я почему-то готов поклясться, что именно так она и думает. Да и Мышка сходу предположила, что они от тебя, а я не стал сопротивляться её воле. Я думал, что ты стал принцем её девичьих грёз!

— Херинцем, блин... Савин, мать твою, ты что натворил? — я бросился за Максом, но этого жука было невозможно поймать ни на льду, ни на земле. Он с легкостью вбежал в приватный зал, где собралась почти вся наша команда, перемахнул через диван и довольным павлином уселся на перила лестницы.

— Ну не хочешь быть принцем, будешь херинцем, — гоготнул Савин и отмахнулся, словно тема разговора была исчерпана.

Сейчас мне ещё больше захотелось свалить отсюда. Но проблема в том, что видеть Кобака мне хотелось куда меньше, чем Макса, к выкидонам которого у меня иммунитет.

Наше с Савиным появление было настолько эпичным, что народ стих, и лишь бас тяжелого рока скользил по бархатным стенам винного цвета.

— Чёрт, вы что, выбили дверь в дробильню прошлого века? — Макс тоже отметил довольно устаревший интерьер.

— Лучше здесь, чем рядом с Якубовичем, — Добрынин сдвинулся, освобождая для меня место на диване. — Ну что, звезда? Опять тебя пропесочили? Слушай, Лютый, а ведь тебя кто-то из наших сливает...

Голоса снова стихли, и в нашу сторону обернулись все присутствующие. Кто-то смотрел с плохо скрываемой яростью, кто-то — с дурацкой улыбкой, рассчитывая, что Ванька рассмеётся, и лишь Макс Савин тяжело кивал, пялясь себе под ноги.

— Согласен, братец, — я отбил пятью Добрынину за помощь в озвучивании собственных догадок. Если я не могу выйти на журналиста, то, возможно, вычислю того, кто гадит? — Это либо команда, либо Якубович. А может, и те, и другие.

— Лютый, завязывай, это не смешно, — Дементьев скорчил рожицу и снова принялся разливать алкашку по бокалам. — Ты думаешь, мы тут все тебе завидуем, что ли?

— А мне вот не сами статьи кажутся странными, — вдруг подал голос Фёдоров. — Мало ли, отверженная фанатка дерьмо льёт, или чокнутый болельщик, сбежавший из лепрозория. Странно, что есть ещё один претендент на место в сборной, только его имя не полощут в сточных водах.

— А правда, — заржал Добрынин. — Савин, признайся, ты строчишь письма дорогой редакции? Что, достал тебя конкурент? Решил отомстить Лютаеву за то, что девку увёл? Савин расплылся в коварной улыбке и заиграл бровями,

но я-то видел, что обратный отсчет до драки уже запущен.

— Нет, — вмешался я до того, как Савину пришлось бы держать ответ...

Это все, конечно, очень логично. Но только правды тут слишком мало.

— У Савина есть компромат и похуже, — протянул я и откинулся на спинку. — Тут кто-то другой...

— Слушай, — вдруг Савин забыл о том, что я до сих пор хочу его убить, рванул ко мне и присел на корточки. — А ведь все просто! Ты прав, что статейка вышла подозрительно быстро. Мы ещё проснуться от похмелья не успели, а ты уже в дерьме. А значит, этот кто-то был с нами... Остается отсмотреть камеры, выяснить, кто ещё был в том баре, и дело в шляпе!

— Вот видишь, Макс, как полезно не пить и не курить. Твой мозг сразу шебуршит, годные идеи выдает, — я хлопнул друга по плечу, вдруг ощутив странное волнение. То ли первый шаг к правде меня так взбудоражил, то ли чувство несправедливости, все это время подьедавшее изнутри, снова проснулось.

Макс с Добрыней стали перебрасываться идеями, как понять, кто гадит. В этих парнях я не сомневался. Наша троица — убойное звено, и доверие там запредельное. Мы втроем вытаскивали такие матчи, общаясь на льду лишь взглядами. К тому же Добрынин уже был в списках сборной, зарекомендовав себя на прошлом чемпионате, а не потому, что

его отец стал новым тренером сборной.

Вдруг слух резанул дикий ржач... Я обернулся, и меня пронзило током.

Мышка...

Глава 11

Она стояла в углу привата, еле удерживая огромный поднос, уставленный стаканами, окруженная парнями во главе с Фёдоровым. Не слышал, о чем они говорят, я просто рассматривал эту малявку, пытаюсь понять, какого черта она опять попалась мне на глаза.

Ну крошечная совсем, в ней от силы полтора метра ростом. Длинные белоснежные волосы собраны в высокий хвост на макушке, повязанный красным платком в тон униформе официантки. Да нет, это не униформа, а костюм для секс-игрищ. Кожаное красное платье, символический белый фартук и чулки на подтяжках в крупную сетку.

Внутри все забурило, я как чокнутый скользил по её телу, не вслушиваясь в спор, пока не раздался скрежет быющегося стекла.

— Криворукая! — вопил Фёдоров, смахивая со светлых джинсов капли пива. Мышка пыталась сбежать, но он слишком агрессивно размахивал руками. И вдруг разряд тока...

Она вскинула свои карие глаза, устремляя взгляд точно на меня. И впервые я там увидел что-то кроме ненависти. Она словно молила о помощи...

— Не лезь в это, Лютый, — шепнул Макс. — Она просто отбитая на голову. Если она такая неуклюжая, нужно держаться подальше от стеклянной тары.

— Ну, чем расплачиваться будешь? — вдруг выдал Фёдоров и двинул на Мышку, наслаждаясь её испугом.

— Давай я рассчитаюсь? — рыкнул я, и толпа стала рассасываться, оставляя Фёдорова один на один со мной.

Я перепрыгнул через диван, оказываясь за его спиной, и Фёдоров захрипел от ярости.

— Эта тупая мышь опять меня облила!

— Беги, малая, — шепнул я, вставая лицом к вратарю. И Мышка проскочила за мной, оставив поднос на барной стойке. — Фёдоров, в чем твоя проблема? Какого черта ты к ней лезешь?

— Да нет, Лютый, если у кого и есть проблемы, то это у тебя! — отмахнулся он и вернулся на диван, смачно матерясь по поводу испорченных дорогих джинсов.

Я держал себя... Как мог держал, но не получилось. Рванул следом за Мышкой, нагоняя её на узком лестничном пролете.

Она застыла, чувствуя моё присутствие, а после резко обернулась и зашипела:

— Что вам всем от меня нужно?

— Нам? — я рассмеялся, обходя её, тем самым перекрыв путь отхода. — А я думаю, что это ты слишком часто оказываешься рядом. Это совпадение, или ты следишь за мной?

Дыхание Мышки изменилось, стало рваным, розовые пухлые губки распахивались, жадно глотая воздух, голос стал грудным, хриплым, мегасексуальным. И, признаться, если

это был её план, то она достигла своей цели.

— Да на твоём лице написано: «МАЖОР!». Мерзкий, скользкий и жестокий Илья Лютаев — сын богатеньких родителей. Ты смотрел, как твои дружки меня унижают, и наслаждался, — цедила крошечная блондинка, стреляя в меня искрами карих глаз. Она четко проговаривала каждый слог, а на лице её было отвращение. — Я для тебя обычная поломойка! Бродяжка и лимита...

Она задыхалась, пыталась высказать всё, что думает обо мне и о команде. Её колотило от злости, но я видел не только это... Как только наши взгляды сталкивались, она замирала, немного терялась, а на щеках проступал румянец.

— Мышка, а на твоём лице я вижу правду... Ты же готова душу продать, лишь бы прикоснуться ко мне, — я наклонился и прикусил мочку её уха, получая в ответ протяжный стон.

Я провоцировал её, прекрасно понимая, что сейчас она проколется и сдастся! Прошёлся языком по шее, ощущая, как неистово колотится её венка. Кожа нежная, сладкая, отдающая ванилью свежей выпечки. Никакого ядреного парфюма, лишь ягодный аромат и чистота...

— Не дерзи мне, девочка... — я подцепил лямку её платья, замечая, как бешено вздымается её грудь, а твердые соски проступают через ткань.

— А то что, Лютаев? купишь меня? Как делаешь со всем, что не можешь получить по согласию? — Маша выплюнула

последнюю порцию яда и прикрыла глаза, словно сказанное было неприятно и для неё самой.

— О, нет... Покупают то, что продается. А ты, я смотрю, раздаешь свою ненависть бесплатно... И мне это нравится!

— Нравится? — вспыхнула Мышка. — Ты что, больной? Я пытаюсь тебе показать, что ты — больной ублюдок, а тебе это нравится?

— Мне нравится твоя искренняя ненависть. Не будь ты так напориста, я бы прошел мимо, ведь вокруг полно до одури влюбленных в меня девчонок. Но теперь мне дико интересно, чем же я заслужил эту честь? — я выставил руку и сделал шаг вперед, буквально загоня её в капкан. — Кто ты, Мышка? И что тебе от меня нужно?

— Мне от тебя ничего не нужно!

Я дернул её за хвост, заставляя вскинуть голову. И она покорилась... Распахнула свои огромные глаза, и я нырнул в них, не чувствуя земли под ногами. Это как омут, полный опасности, знаков предупреждения, но при этом там так уютно и тепло, что возвращаться совершенно не хочется.

Я тонул... Захлебывался, но не барахтался.

Мне пришлось склонить голову, чтобы суметь хоть на мгновение коснуться её губ, пахнущих сладкими карамельками. Мышка притаилась, словно не верила, что я могу это сделать!

Но я делал... Прошелся языком, едва касаясь гладких зубов, собрал сладость вкуса, впитал мягкость, украл преда-

тельский стон.

— Придурок! — она взмахнула рукой, и будь я менее проворный, то огрела бы меня пощечиной, но я успел перехватить её за запястье, заводя её руку за спину.

— Признайся, ты этого хотела не меньше, чем я...

— Пошёл ты, Лютаев!

Вдруг за дверью раздался басистый раскат смеха, и ручка начала стремительно скрипеть и поворачиваться. И мне пришлось убрать руки, отпуская Мышку.

— О! А вот и Лютаев, — грохнул смехом наш тренер, правда, заметив Мышку, он чуть нахмурился, а Маша этим воспользовалась и улизнула, скрываясь в толпе. — Где парни? Так и знал, что вы сбежите подальше от нудных речей Якубовича.

— Они внизу, а мне уже пора, — я сунул руки в карманы джинсов, чтобы прикрыть своё возбуждение. — У меня завтра зачет.

— Илюх, — вдруг окрикнул меня Мулин, когда я уже почти успел выйти. — Не порть себе легкий старт. Провалив первый смотр в сборную, ты ставишь под вопрос дальнейшие чемпионаты. Там сидят непробиваемые тупицы, которым помимо результатов важна и репутация. Будь ты сто раз хорошим человеком, они не станут рисковать своими задницами... Сейчас это кажется пустяком, но потом ты будешь себе локти грызть от досады. Уж мне поверь...

— Спасибо, тренер, — прохрипел я. — Вдохновили...

Глава 12

Неделя выдалась адовой... Мулин наставил такое количество тренировок, что дурно стало даже мне. Но я понимал, что это он не к выездной игре готовился, а к стремительно приближающимся смотрам в сборную.

Усталость была такой концентрации, что сегодня, покупая билеты на самолет до Москвы, я не ощущал ничего, кроме ноющей вибрации в мышцах. Ни волнения, ни радости, ни предвкушения момента, к которому я шел последние два года.

Я был вымотан... Однако был и плюс. За неделю вышла всего лишь одна статья с моим именем, но какая-то вялая, слабая.

— Здорово, — прохрипел Макс, входя в моё новое гнездышко без стука.

Да что говорить обо мне, если гиперактивный Савин после последней тренировки отрубился, прижавшись плечом к стене душевой кабины. Храни господь Мулина!

Вся команда понимала, что они отдуваются за нас с Максом в преддверии смотров, и тихо ненавидели.

— Привет, Макс, — я щелкал пультом, гоняя спортивные каналы по кругу. — Билеты куплены, пора вещи собирать.

И вот мне бы радоваться, но внутри такой штиль, что даже страшно. Мулин прав, эти сборы – первый шаг к моему

будущему. Я бы мог и раньше ворваться, но меня останавливали учеба и беспокойство родителей. А сейчас, будучи на третьем курсе, уже вроде и не так страшно. А может, это я так себя успокаиваю.

— Мама хочет поехать с нами, — выдохнул Савин и упал на диван рядом. — Они утром всем семейством совещались. Рассматривались кандидатуры дяди Игоря, тёти Юли, а мои родичи и вовсе вдвоём пустились в борьбу за сопровождение отпрысков. Но мать уделала всех, включая бату...

Мы прыснули смехом, потому что против тёти Кристины никто не осмелится выйти в рукопашную. Она же руководит бойцовским клубом! И мало кто знает, но нам даже довелось видеть воочию, как она на ринге укладывает здоровенных мужиков, беря не столько силой, сколько быстротой, юркостью и хитростью. Но проверять это на своей шкуре никто не торопился...

— Какой позор, — протянул Макс. — Мне двадцать два, и меня сопровождает маман.

— Радуйся, Савин, что тебя вообще отпустили, — заржал я и тут же получил подушкой по голове. — Ладно, шучу. А ты, кстати, слышал, что отца Добрынина назначили вторым тренером сборной?

— Нет! — Макс от удивления распахнул глаза. — Ванька ничего не говорил. А кто он?

— Ты че, придурок? Напряги свой мозг. Ну? Никита Добрынин!

— Это правда он? — Макс аж заикаться начал от одновременно нахлынувших восторга и ужаса.

Никиту Добрынина знали все мальчишки, увлекающиеся хоккеем. Его талант, сила и упорство возвели его в ряд звёзд КХЛ, за ним гонялись все агенты, желая переманить в свою команду. Но судьба сыграла злую шутку... Никита оказался парализованным, а после и вовсе пропал с радаров. Однако буквально несколько лет назад о нём снова заговорили. Оказалось, что все это время Добрынин поднимал на свои деньги клуб в небольшом приморском городке. И теперь он возвращается в большой хоккей, но уже не как игрок, а как тренер...

— Чёрт, — зашипел Макс, реагируя на пикнувший телефон. — Кстати, о Добрынине... Я забыл, что у него сегодня днюха! Он что-то говорил после тренировки, но я так устал.

— Не-е-е-т, — простонал я, ощущая, что сросся с диваном. — Только не говори, что нас тоже пригласили!

— Не помню, брат.

И вместо ответа зажужжал мой телефон, где в сообщении среди яростных смайликов был указан знакомый мне адрес клуба. *«Скорость, 19:00, явка обязательна».*

Это был не столько клуб, сколько тусовочный опен-эйр у гоночного трека, принадлежавшего семье Князевых. Мы там с Максом и вождению учились, да и просто гоняли, выпуская подростковый адреналин.

Это стало местом притяжения молодёжи. Туда было

невозможно попасть, не имея связей или официального приглашения, да и фейсконтроль зверски проверял документы, дабы отсеять малолеток.

— Лютый, вставай. Добрынин не простит, если мы не приедем, — Савин, чувствуя аромат предстоящего веселья, забыл про усталость и уже скакал молодым жеребчиком. — Я за подарком, Ванька мечтал о «дэнди» из детства, а я знаю, где её раздобыть.

Этот чёрт знает всё. И где луну украсть, и как достать санкционную амуницию. Я закрыл глаза всего на минуту, с грустью прощаясь с тихими выходными. И будь на месте именинника кто-то другой, я бы даже не дернулся с места, но ради Добрыни придётся.

Принял душ, закинулся двойной порцией кофе, оделся и двинул к гаражу, возле которого орали друг на друга близнецы. Игорь и Женька толкались, спорили,

— Здорово малявкам! — крикнул я, бросая куртку в свою тачку. — Что тут делаете? Ночь на дворе почти, а вы не рубитесь в стрелялки?

Сорванцы окружили газонокосилку, пытаясь понять, почему она не работает. У нас с близнецами были отличные отношения, когда они не дерутся и не вопят до дрожи в стенах. Вообще-то им, кроме друг друга, никто не был нужен. У них всегда был напарник, чтобы и кулаками помахать, и козни против других построить.

— Отец наказал, — вздохнул Игорь. — Сказал, пока не

пострижем газон, можем забыть о компьютерах. А как его стричь, если эта дура не работает?

Брат пнул ногой по корпусу газонокосилки и заскулил от боли.

— Я, конечно, помогу, но поверь, отец будет не в восторге, услышав жужжание в десять часов вечера. Потом ещё и мама прибежит, ведь она в это время обычно укладывает мелкую, — я присел на корточки, осмотрел агрегат и рассмеялся, заметив, что они забыли воткнуть его в розетку.

— Ну, хоть у кого-то ума хватило подумать о близких. Пять часов вы потратили на элементарное задание, но так и не справились, а значит, наказание продляется, — раздался голос отца, что, оказывается, все это время сидел в тени террасы и попивал кофе, медленно щелкая по клавиатуре ноутбука. — Близнецы, эту загадку вселенной разгадаете завтра, а сейчас марш в постель!

— Есть! — прохрипел Женька и толкнул пытящего Игорёху в спину.

— А ты куда собрался? — папа мельком посмотрел на часы.

— У Добрынина день рождения, на пару часов сгоняю в «Скорость», — я подошел к отцу, неловко переминаясь. — Пап, мне официальный вызов сегодня пришёл. Билеты куплены, вылет послезавтра.

— Я рад, сын, — отец захлопнул компьютер, смерил меня внимательным взглядом, а после поднялся и рывком об-

нял меня. Рука у него чертовски тяжелая, а объятия, хоть и смертельные, но такие надёжные, крепкие, отцовские. — Ты тогда меня неверно понял, Илья. Да, я не мечтал о сыне хоккеисте, но я ещё и не мечтал о сыне-депутате, о сыне-адвокате. Я просто мечтал о сыне, а кем уж он решил стать — мне до лампочки. Ты только борись за свою идею, борись за то, что для тебя важно... А мы тебе поможем.

Всего пара слов от отца, а горло стянуло спазмом. В его голосе сквозила лютая гордость! А это дорогого стоит...

— Что, даже если я буду бандитом и головорезом?

— Я-то не против, а вот мама скажет, что ты весь в отца пошел, — рассмеялся он и похлопал меня по плечу. — Иди уже, отдохни, а то тётя Кристина рассказывала, что Мулин там её сына загонял до смерти.

— Ой, Савина даже стая голодных волков не загонит. Спасибо, пап...

Я сначала врубил газонокосилку, чтобы мелкие и завтра не попали впросак, а после аккуратно выехал с территории нашего тихого поселка. Тачки Савина уже не было, поэтому я тоже помчался напрямиком на трек.

К моему прибытию вся команда была уже в сборе. Они оккупировали одну из террас, откуда струился легкий дымок мангала, а столы ломились от закусок и выпивки. В центре внимания был Добрынин, он обнимал свою девушку, смеялся и особо порадовался, заметив меня.

— Заезд через час, — радостно прошептал Добрыня. —

Устроим батл? Когда-то же я должен тебя обыграть? Лютаев, ну поддайся, что ли? Видишь, я с дамой? Ладно, на льду тебя не догоняет даже Савин, но тут...

— Добрынин, если рубиться, то до крови, — я рассмеялся, упираясь лоб в лоб с другом. — Никаких поблажек даже именинникам!

Треков здесь было много. Часть была отдана на обычные заезды по прямой, другая создана для картинга. А вот по третьей пускали настоящие гоночные болиды — особая гордость дяди Игоря Князева.

— Илюх, а нам болиды дадут? — Добрынин аж дрожал от восторга, потому что эта услуга была доступна не всем. — Давай, сотвори чудо для друга, а?

— Я позвоню дяде Игорю, — хлопнул друга по спине и направился к дальнему ангару, чтобы поговорить с механиками, а по пути набрал Князеву.

— О! Младший Лютаев на проводе среди ночи, а значит, наша парочка либо в обезьяннике, либо будет просит разрешения погонять, — рассмеялся дядя Игорь. — Да ладно, батя твой звонил уже. Я Михалычу дал отмашку, чтобы всё подготовил. Илюх, но давайте аккуратно, а? Детей у нас на балансе хоть и много, но все они подотчётные и любимые.

— Спасибо, дядя Игорь!

Внезапно я ощутил голод... Голод по тому адреналину, по скорости, по непередаваемым ощущениям, поэтому припустился к ангару ещё быстрее, чтобы выбрать себе коня по-

резче.

Ангар, где пряталось сокровище Князева, был в глубине леса. Здесь же пёстрой россыпью расположились боксы автомастерских, где мы с Максом с детства учили подкапотные внутренности. Савин в своё время вообще был повернут на автомеханике, он даже отказывался ходить на еженедельные спарринги в клубе, с утра и до вечера зависая среди автомехаников. Дядя Женя злился, ведь его друзья все приходили с сыновьями, а его отпрыск радостно верещал, купаясь в машинном масле и на скорость меняя тормозные диски. Но все равно не запрещал Савину заниматься тем, чем хочется.

Я нырнул в пролесок, зная, где можно срезать, чтобы не обходить огромную территорию, теряя драгоценное время. В нос ударила пряная влага, под ногами захрустели иголки ельника, а шум веселящейся толпы растворился в густой листве.

Втянул воздух, вдруг ощутив легкость и свободу, и приступился к ангарам.

Но я не сделал и пяти шагов, как застыл, услышав истошный женский визг...

Он был таким жалостным, надрывным, что я невольно рванул через кусты, за которыми прятался высокий забор.

— Заткнись, сука! — разлетелось по округе. — Дай сюда свой гребаный телефон! Ты нас снимала, что ли? Ты кто такая? Кому ты звонила?

Разведя последние ветки, я застыл, не веря своим глазам. Толпа отморозков пугающе быстро перебрасывала через за-

бор промаркированные клубной символикой коробки с автозапчастями, развязно хохотала и улюлюкала, подначивая друг друга.

Пятеро здоровенных мужиков работали по эту сторону забора, а трое ублюдков на той стороне окружили какую-то девчонку, припирая её к ржавому крылу старенького грузовика, куда, очевидно, полагалось спрятать украденное.

Девчонка, по сравнению с натренированными бритоголовыми быками, была совсем маленькой. Она хрипло всхлипывала, пыталась дышать, но даже отсюда было видно, что она близка к истерике.

— Чёрт возьми, — я достал телефон, но он не ловил сеть.

Я быстро выглянул из-за куста и чуть не рухнул, потому что самый здоровый бычара сделал шаг в сторону, открывая моему взгляду бледную запуганную Мышку. Я её даже не сразу узнал, серебристые волосы теперь напоминали рыжее воронье гнездо, перепачканное рыжей глиной. Она была вся в грязи, пыль на лице смешивалась со слезами, она тряслась и что-то мямлила, чем злила их ещё сильнее.

— Я просто искала вход! Я ничего не видела! — Мышка попыталась сделать шаг вдоль бочины грузовика, но один из придурков взмахнул рукой и схватил её за волосы, встряхнув, как куклу. — Отпустите меня!

— Выход она искала. Кому ты чешешь?

Какого, мать твою, черта!

Я уже не ждал, просто рванул вперед!

Оттолкнулся от толстого поваленного дерева, перемахивая через забор. Мне было все равно на то, что эти бугаи здесь, чтобы вынести все ценное из ангаров, у меня просто плашка упала. Кровь превратилась в хрустящий лёд, а инстинкты сработали куда быстрее, чем страх, логика и здравый смысл, вопящий о предстоящем отборе в сборную.

Их восемь, а я один! Но и об этом я не думал... Я так явно видел эти печальные карие глаза, что внутренняя пружина сжалась, усиливая бег адреналина по бурлящей крови.

Как говорил классик, если драка неизбежна, то бить нужно первым. Я прямо с забора прыгнул на спину самому здоровому и нанёс сокрушительный удар в ухо. Бугай стал заваливаться, практически не сопротивляясь, лишь захрипел, обхватив голову руками.

И вот тогда я увидел её...

Мышка тряслась, вжимаясь в грязный борт старого грузовика. Её губы шевелились, она словно что-то шептала, не сводя с меня пристального взгляда. Такая крошечная, хрупкая.

— Э... Ты кто такой?

За спиной послышался топот, те, которые занимались добычей за забором, начали перепрыгивать один за другим, но тот, кто удерживал Мышку, застыл, подарив мне миг своего замешательства и страха.

Я перехватил её руку и как пушинку отбросил себе за спину, а после обернулся к толпе, оценивая свои шансы... Было

восемь, стало семь.

— Поговорим, или сразудохнуть начнёте? — прохрипел я, пока внимательно изучал их лица, пытаясь вычислить главного.

— Чёрт! Это Лютаев, — прохрипел один и шустро прыгнул за руль грузовика. Завизжал стартер, но двигатель не откликнулся. В его голосе была не злость, а настоящий животный страх и паника. — Уходим!

Было семь, стало шесть. Мои шансы на благоприятный исход увеличивались сами, оставалось только уповать на удачу, потому что как бы хорошо я не дрался, противостоять толпе, сохранив себя — трудновыполнимая миссия. Эх, Савин... Где же ты, чертяка, когда так нужен?

— А о чём нам с тобой говорить? — цыкнул беззубый качок и отвратительно харкнул себе под ноги. — Мы тебя здесь и прикопаем, а потом будем ржать, как твой папашка землю роет, отыскивая косточки своего выблядка.

— Ой, как грубо, — цыкнул я, и качок дернулся, выдавая своё внутреннее напряжение. — Знаешь, как больно жить со сломанными рёбрами? Ты болишь весь, каждое движение — как разряд тока. Ни жрать, ни ссать, ни трахаться... Подумай, придурок, тебе оно надо? Кстати, запчасти оставьте, перед тем как будете убегать.

Стадо быков продолжало наступать, с опаской поглядывая на сотоварища, что до сих пор скулил, валяясь у моих ног. Зря надеются, после такого удара он ещё месяц звон би-

той посуды будет слышать.

— Чего молчим? Зассали перед выблядком? — шикнул я, занося ногу, чтобы пнуть ублюдка, вернее, так должны были подумать они, но вместо удара я оттолкнулся и прыгнул на самого здорового.

Я с отцом с самого детства тусовался в ринге, поэтому ни боли, ни драк я не боялся. Наоборот. Меня это задорило. Несмотря на всеобщее мнение, я не был драчуном на льду, а вот сейчас ощутил приятное тепло, концентрирующееся в кулаках.

Удар в корпус, хруст ребер, жалостный стон, полный булькающей крови.

Удар! Удар!! Удар!

Здоровяк оказался не промах и умудрился махнуть кулаком. Я не ощутил боли, лишь густая струйка крови заструилась из брови, не успевшей затянуться после последнего столкновения на льду.

Здоровяк начал оглядываться на сотоварищей, словно искал помощи, пока я снова и снова отрабатывал по корпусу. Схватил его за шкурку кожаной куртки, поднял на ноги, а после толкнул... Сто килограмм живого веса тяжелым ядром полетело на толпу. В попытке его поймать они осыпались кеглями. Этим я и воспользовался...

Не контролируя силу и адреналин, подхватил Мышку на руки, почти не ощущая её веса. Прыгнул на стопку заросших бурьяном бетонных плит и как пушинку забросил её на вер-

шину забора.

— Держись, Мышка...

— Хватай его! — орали придурки, но меня уже было не догнать.

Мужское естество вопило, требуя вернуться и расквасить морды этим ублюдкам, но этот вопль заглушал какой-то другой, незнакомый доселе мне голос. Он требовал бежать и спрятать девчонку, что с завидной регулярностью не просто попадаетеся мне на глаза, она с настойчивостью глупой мыши снова и снова лезет в пасть к коту.

И я выбрал второе...

Перемахнул через забор, подошел ближе и вытянул обе руки, готовясь принять её внизу.

Высота была пугающей, и Мышке придется довериться и рухнуть с трёх метров. Я было замешкался, понимая, что с её-то лютой ненавистью к таким, как я, рассчитывать на доверие не приходится. Но я даже не успел закончить мысль, как она разжала окровавленные пальцы с бетонного ограждения и, зажмурившись, буквально камнем рухнула мне в руки.

И я поймал... На миг её лицо оказалось слишком близко. Чувствовал запах крови, тонкий едкий аромат страха, видел ужас в её мокрых от слез глазах. Курносый нос был испачкан, но даже так дерзкие веснушки забавно проступали через слой пыли.

Я поставил её на ноги, схватил крошечную ладошку, что

почти утонула в моей руке, и рванул в пролесок, стараясь на ходу сориентироваться.

Телефон до сих пор не ловил связь, я крутил головой, пытаясь найти камеры. Знал, что охрана следит за периметром, поэтому нужно просто попасть в их объектив. Но чем дальше я бежал, тем лес становился всё гуще и гуще... Пропадали звуки, слышны были лишь наши шаги, шорох иголок и листьев под ногами и наше рваное дыхание.

— Я... Я... Илья, подожди! — вдруг запищала Мышка, дергая меня за руку, и я сбавил скорость, понимая, что ей за мной не угнаться.

Она тяжело дышала, с опаской озиралась по сторонам, прислушиваясь к лесным звукам, словно пыталась различить признаки погони.

— Они не сунутся сюда, — я снова попробовал поймать хоть одно деление антенны, но ничего не выходило. — Забрали добычу, и уже на пути к выезду из города.

Сохранил геоточку, чтобы потом передать охране, а после сел на пень, пока Мышка пыталась отдышаться и достать из спутанных волос забившуюся туда листву и сухие ветки.

— Мышка, вот скажи, какого черта ты такая бедовая? — я стёр с брови кровь, что бежала мне прямо в глаз. — Ты знаешь, что такое страх? Это не постыдное чувство, это инстинкт, не дающий популяции людей стремительно сокращаться.

— Да? — она зло сверкнула по мне взглядом. — А хокке-

исты об этом знают? Или ваше безрассудство и жестокость — это другое?

Мышка припала к поваленной осине и тяжело выдохнула, поджав правую ногу. Ей было больно, но она отчаянно пыталась этого не показывать.

— Меня Маша зовут, если ты не знал, — её голос дрожал, девчонка отвела глаза, с ужасом обнаружив, во что превратился её розовый спортивный костюм. — Чёрт! Меня комендантша в таком виде не пустит... Хотя она меня уже и так не пустит.

Значит, Маша...

Мышка Маша пыталась стряхнуть грязь, но тем самым делала только хуже. Она дергалась, тяжело дышала и тихо хныкала, даже не подозревая, что большой сюрприз её ждёт в отражении зеркала.

Несмотря на внутреннюю бойню, я молчал. Хотелось встряхнуть её и заставить рассказать, какого чёрта она здесь забыла в такое время. Почему тёрлась у забора возле дальнего трека? И вообще, чем вызвана её ненависть ко мне?

Это чувство буквально сносило с ног. Она не смотрела, она полыхала пламенем, а слова её превращались в яд. Ещё никто и никогда не ненавидел меня так сильно.

Никогда...

Но сейчас не время для допроса. Зная её вспыльчивый характер, я был уверен — эта мышь дикая стартанет в глушь, а мне придется догонять. Нет, сначала выйдем к людям...

— Идём, бедовая, — я поднялся и, не спрашивая разрешения, схватил её за руку и потащил дальше. Маша не сопротивлялась, пыталась даже не отставать, но разница в шагах была слишком большой. И когда я было решил остановиться, чтобы дать ей выдохнуть, за дальним пролеском показался кислотно-желтый фасад дальнего ангара, из ворот которого сочился свет.

Внутри что-то вспыхнуло, я снова подхватил девчонку на руки и, перепрыгивая через поваленные деревья, бросился к ангару. Когда я выскочил на поляну, отчетливо услышал жужжание камер, вмиг направивших на меня свои объективы.

У бокса толпились слесарята, один из которых заметил меня, и вот уже вся толпа бежала к нам навстречу.

— Там склад с запчастями вынесли, — я тяжело дышал, указывая на лес. — Их восемь, грузовик белый... — я впопыхах даже назвал госномер, неведь откуда всплывший в памяти.

Вскоре толпа охраны в сопровождении отряда на квадроциклах умчалась в лес на разведку, а мы остались в тишине ангара.

Когда адреналин окончательно спал, Мышка вдруг горько заплакала и рухнула мне на грудь. Она билась, как птичка, лупила меня своими крошечными кулачками и громко всхлипывала, задыхаясь в истеричном плаче.

Это было странно — ощущать живую эмоцию. Настоя-

щую, яркую... Она пряталась от мира в надежде на защиту.

— Поехали, я доставлю тебя домой...

Глава 13

— Домой? — она замолчала и замерла, не шевелясь. — Меня комендантша не впустит.

— Мы... Маша, ты же не напрашиваешься в гости? — я рассмеялся и подвел Мышку к раковине у столярного стола. — Давай умывайся, и пойдём, разберемся с твоей комендантшей.

Пока Мышка смывала слезы и пыль, я написал Добрынину, что покататься придется без меня. И в этот момент телефон взорвался звонком от Савина.

— Чувак, какого хрена? — заорал Макс, его дыхание было тяжелым, будто он бежал. — Охрана вся на ушах стоит. Говорят, ты без меня в драку ввязался. Жив?

— Макс, всё хорошо. Можешь подогнать мою тачку к служебным воротам?

— Ладно, — растерянно прошептал Савин и отбил вызов.

— Ты готова?

Мышка кивнула и, опустив голову, пошла за мной следом, спрятав руки за спину, чтобы я по привычке не коснулся её. Но это было невозможно.

Я подвёл её к припаркованному рядом квадроциклу, не спрашивая позволения, забросил на сиденье, а потом запрыгнул сам, на ходу заводя движок.

— Держись крепко!

Но Маша упрямылась, мотала головой, не распуская замка рук за спиной. И мне пришлось снова встать и пересесть за ней. Она была такой маленькой, что не закрывала обзор и не мешала управлять монстром на огромных колёсах.

Квадрик взревел, и мы полетели в горку, а потом на всей скорости рванули с холма. И вдруг Машка взвизгнула, как ребёнок, и я готов был поклясться, что услышал её смех. Она так испугалась, что сама схватилась за мои руки. Капюшон слетел с её головы, и по носу начали хлестать шелковые светлые волосы. Я ощущал аромат мяты, свежесть земляники, но не сладкой, а такой душистой, пахучей, покрытой утренней росой.

Украдкой рассматривал её румяное лицо без единой капли косметики. Я уже и забыл, как выглядит натуральная красота. Маленький курносый носик, россыпь веснушек, длинные слипшиеся от слез ресницы и милая улыбка.

Язык пекло от крутящихся вопросов. Они буквально прожигали меня насквозь, но какой-то внутренний стопор удерживал этот напор. Сейчас она мне ничего не скажет. Закроется, как ёжик, или просто наорёт и сбежит...

Мы обогнули ангары и вылетели на мощёную площадь, где располагались административные здания. И в этот момент зашуршали колёса, и из-за поворота выехал Савин на моей машине.

Он, очевидно, растерялся, врубил дальний свет, чтобы убедиться, что Мышка – не его видение, а после вышел из

тачки. Я оставил ключи в квадрике, снял Мышку и, выдерживая пристальный взгляд Савина, усадил её на пассажирское сиденье.

— Ну и? — тихо протянул Макс.

— Ключи там, доберешься на звере. Насчет гонок я договорился, проследи, чтобы Добрынин не убился на треке, — я подмигнул другу, намекая, что рассыпаться в подробностях сейчас не время, а он сделал шаг назад.

Каким бы клоуном Савин не казался для окружающих, — то как никто знал, что за этой маской прячется самый охрененный друг на этом свете.

Я развернулся и вылетел с территории, сворачивая на просёлочную дорогу, по которой обычно ездил служебный транспорт.

Мышка была как на иголках, дергалась, кряхтела на кочках, и я не сразу заметил, что она почти и не сидит... Она завела руки под задницу и, упираясь ногами в пол, пыталась сохранять баланс.

— Ты чего? — я ударил по тормозам, не понимая, что происходит. — Тебе больно? Что случилось?

— Я... Я просто грязная очень, — прошептала Маша, осматривая светлую кожу салона.

— Чёрт! — сердце пустилось вскачь, адреналин снова забурлил по крови, заставляя меня наорать на эту глупую девчонку!

Безрассудная, бедовая, глупая... Жалится, ненавидит, но

при этом боится испачкать мою машину? Да я бы даже понял, исполосуй она её ключом. Вот это было бы честно и понятно. Но эта девчонка противоречит даже своим противоречиям. Она потеряла ориентир, полюса попутались, и она мечется, не понимая, где добро, а где зло.

— Маша, сядь, пожалуйста, нормально, — я сдержал крик, но раздражение выплеснулось в животном рыке, и Мышка съёжилась, словно я мог её ударить. И это стало таким тормозящим откровением... Девчонка зажмурилась, припала к двери и выставила руки, прикрывая голову, как боец, получавший сотни ударов...

Я отвернулся, чтобы не видеть этого. Внутри снова все взорвалось, я ощущал её страх, её ожидание худшего, и это больно лупило меня самого.

— Или что, у тебя есть запасная игрушка? — все же не удержалась Мышка от укола, но я заглушил её слабый голосок рёвом мощного движка и снова стартанул.

Сейчас вместо ответов мне просто хотелось избавиться от девчонки. Рядом с ней я не мог дышать... Не мог думать, меня топило в её отвращении, осуждении, желании уколоть. Она будоражила то, что уютно было спрятано на задворках моих чувств.

Рядом с ней я казался себе плохим... Эта малышка взрывает мой мозг, заставляет поверить в то, что она сама себе придумала.

— В чём твоя проблема, Маша? Я правда не понимаю, —

выдохнул, даже не рассчитывая на то, что она ответит. Так и вышло...

Мышка отвернулась к окну и не издала ни звука, пока мы не въехали в город. И лишь громкое урчание её живота нарушало эту тишину. Девчонка сжималась, обнимала себя руками, словно пыталась договориться со своим телом, но ничего не получалось.

Я свернул на заправку, когда на приборке загорелся индикатор топлива, и пулей выскочил из тачки, радостно проглатывая свежий, хоть и отравленный парами бензина воздух.

Вошёл на заправочную станцию, машинально схватил с полки две бутылки воды, заказал кофе, хот-доги, оплатил топливо и неторопливо вернулся к машине.

Издалека заметил панику в салоне. Маша оборачивалась, то ли пытаясь понять, где она находится, чтобы сбежать, то ли не понимая, почему я так долго. А мне нужна была эта передышка... Эта девчонка убивала меня.

И чем благороднее были мои мотивы, тем яростнее она смотрела мне прямо в душу.

Бросил пакет на подлокотник, поставил кофе в подстаканники, передал растерянной Маше бутылки с водой, а после завёл двигатель и отъехал на парковку за зданием заправочной станции.

Тут был красивый вид на реку, на бесконечное полотно леса, на серебристое отражение луны в беспокойной ряби воды. Мы с Максом тут частенько зависали после гонок. Жра-

ли вредную еду и мечтали, что рано или поздно воплотим свои стремления в жизнь.

Я включил в салоне свет на случай, если эта чокнутая решит, что я её привез сюда, чтобы надругаться. И оказался прав... Стоило подсветке вспыхнуть, как я напоролся на её перепуганные глаза. Мышка сжимала толстовку до белизны костяшек. Окровавленные пальцы впились в ткань и дрожали.

Японский городской... Да что не так с этой девчонкой?

— Кофе, сахар в пакете. Ешь! — я аккуратно положил хот-дог на её колени и чуть отодвинулся, чтобы не смущать.

То ли мой приказ так сработал, то ли она была действительно голодна, но Маша с жадностью вонзилась зубами в булку, с набитым ртом выдавив:

— Спасибо...

С едой мы расправились быстро, выпили кофе, я собрал мусор и выбросил в урну, затылком чувствуя её пристальный взгляд в спину, а потом все в той же тишине выехал с парковки, петляя по ночным улицам города в сторону её общежития.

Добрынин тоже учился в УПИ, туда он перевёлся, как только заключил контракт с клубом, поэтому попасть на территорию не было проблемой. На КПП сидел Слава Колчаков, наш верный болельщик и главарь фан-клуба.

Парень засиял от радости, без лишних слов открыл шлагбаум, делая вид, что не заметил Машу.

— Боже, тебе даже тут поклоняются!

— Куда? — тихо спросил я, игнорируя новую порцию яда, проезжая мимо мрачных общежитий, раскинувшихся паутиной вокруг оранжевой аллеи.

Мышка указала дорогу, и через пару минут мы остановились со стороны внутреннего двора. Строения были типовыми, а это сильно облегчало работу.

— Идём, — я вышел, снял куртку, чтобы было удобнее, а после в очередной раз, не спрашивая разрешения, схватил её за руку и потянул к невысокому зданию складских помещений, где обычно хранился запасной или испорченный инвентарь.

К Добрыне в комнату мы пролезали регулярно... И не одни мы. Таким способом все общаги обходили комендантский час. Это же классика студенческой жизни. Не ползал по пожарной лестнице — не познал вкус свободы и бунтарства.

— Ты слушаешь внимательно и повторяешь мои движения. Ясно? — я аккуратно взял Мышку за подбородок и улыбнулся, заметив, как забавно мой палец утопает в глубокой ямочке.

Девчонка растерянно кивнула. Сейчас она была готова на все, лишь бы не спать на улице, а оказаться в своей комнате.

Я посадил Мышку на крышу, потом забрался и сам. Мы шли по краю, пока не достигли узкого парапета основного здания общаги. Путь опасный, но вдоль фасада бежала газовая труба, служащая поручнем.

— Вниз не смотрим, просто идём, — снова скомандовал я, думая лишь о том, что скоро избавлюсь от неё. — Покажи свою комнату.

Мышка указала на одно единственное тёмное окно на третьем этаже.

Я первым сделал шаг на парапет, после протянул руку, показывая, как именно нужно держаться за трубу, а когда Маша повторила и повисла над землей, я прижался ладонью к её спине, ощутив пугающе-сильную дрожь.

Я буквально вжимал её в стену, не давая возможности смотреть вниз. Так мы и шли, пока не достигли пожарной лестницы. Повис на одной руке, пропуская вперед Мышку. Мы лезли одновременно, переладины были слишком высокими, и её роста не хватило бы, чтобы самостоятельно перебираться по ним, поэтому приходилось подсаживать.

Я, как мог, пытался не трогать её за задницу, но с каждым разом становилось все труднее. Машка дрожала от страха. Я всем телом ощутил её ужас и рвущийся наружу визг, когда лестница вдруг скрипнула и с ужасающим скрежетом дернулась вниз.

— Тише, Мышка, — я прижался к её макушке, вдыхая уже знакомый аромат сладкой мяты.

Какого черта я творю? Почему сижу на высоте пяти метров над землей накануне самого важного дня в моей жизни? Почему просто не отпустил девчонку? Зачем посадил в машину, почему постоянно думаю о ней?

Эти пронзительные карие глаза, розовый бантик чувственных губ. От Маши веет силой в той же степени, что и слабостью. Сначала я думал, что она просто ранимая, но теперь я уверен, что она... раненая. Она была вся искорежена, белое ей казалось черным, а черное превращалось в благодать.

Маша тихо заплакала, уткнувшись в сгиб моего локтя, выпуская эмоции, но не стала дергаться, лишь обмякла в моих объятиях и просто доверилась. Мы как два чокнутых психопата висели на шаткой пожарной лестнице и молчали, словно сейчас слова не имели никакой ценности. Я поднял руку, сплел наши пальцы и медленно переместил на следующую перекладину. И так снова и снова... Снова и снова.

И лишь когда я сумел коснуться металлических баясин хлипкой перегородки балкона её комнаты, я снова мог дышать. Перекинул ногу, зафиксировался и просто перенёс дрожащую Мышку на балкон.

Благо дверь была приоткрыта, и мне не пришлось проявлять смекалку по взламыванию окон. Маша забежала в комнату и рухнула на стул, уронив голову на руки.

— Ты, Лютаев, чёртов чокнутый придурок! — шептала она, раскачиваясь из стороны в сторону. — Психопат! Ад-реналинщик! А я почему-то иду за тобой. Прыгаю с забора, ползу по отвесной стене, дышу по команде!

Мышка бормотала эти слова как бред, она почти не смотрела на меня, пока я с любопытством осматривал небольшую

комнату. То, что Мышка живёт не одна, выдавали не только две кровати...

Это были две разные жизни.

Одна кровать завалена розовыми подушками, плюшевыми игрушками, на комоде тонна косметики, переливаются бутылки парфюмов, поблескивают женские побрякушки и милые фотографии в раме зеркала.

А вот другая часть комнаты казалась полной противоположностью.

Идеально заправленная кровать, подушка, накрытая льняной обрезаю с пёстрой вышивкой. На комоде была идеальная чистота, ни единого предмета, ни намёка на свою хозяйку. То ли чистый лист, то ли скрытность максимально-го уровня. На письменном столе — старенький зашарпанный ноутбук, крышка которого была перемотана изолентой, стопка тетрадей и листов, исписанных мелким почерком. А на прикроватной тумбочке — кожаный блокнот, из которого торчала фотография...

Я машинально потянулся к ней, но Мышка вскочила и преградила мне дорогу.

— Спасибо, — вдруг произнесла она и снова опустила взгляд в пол. — Не знаю, зачем ты все это делаешь, но всё равно спасибо.

— Ну, чаю, я так понимаю, не дождусь? — я снова прокрутился, в последний раз поразившись контрасту комнаты, и двинул к балкону. — Тогда я пойду.

Маша никак не отреагировала. Она даже не обернулась, продолжая стоять спиной, пока я перелезал через ограждение, пока перепрыгивал на лестницу.

И лишь когда я спустился и, пройдя по крыше бытовки, прыгнул около машины, мне показалось, что желтый тюль её комнаты шелохнулся от ветра, выдавая её тихое присутствие...

Глава 14

Утро началось с терпкого аромата кофе.

Я распахнул глаза, с удивлением обнаружив маму, сидящую на моей кровати. Она листала журнал, пила свой кофе и будто не замечала моего пробуждения.

— Ма... Давненько ты не вторгалась в моё пространство, как немец, рано утром. А где же право на личную жизнь, ну, или хотя бы стук вежливости? — внезапно мне стало так смешно, но стоило заржать, как боль пронзила голову, а рассеченная бровь напомнила о вчерашнем насыщенном вечере.

— Ну, ты же уже перерос рукоблудие? — мама хоть и улыбалась, но при этом обеспокоенно осматривала бровь.

— Ма... Давай только без этих разговоров? — я подтянулся на кровати и обнял свою заботливую родительницу, вдыхая привычный аромат уютной ванили и сладость цветов.

— Доброе утро, матушка.

— Доброе утро, сыночка, — мама зарылась пальцами в мои волосы и хмыкнула, что означало, что уже пора бы постричься.

Вот она всегда такая... Понятная, прозрачная, заботливая. С ней можно разговаривать молча, можно доверить тайны, переживания, а она так тяжело вздохнет, словно всё понимает.

Я обожал свою маму. Да её все любили, потому что иначе было просто невозможно. Красивая, тонкая, изящная. Она была великолепна и утром в обычном халате, и вечером, сверкая на открытии очередной выставки искусства. Глаза огромные, по-детски распахнутые, добрые... Но если только её не злить.

— Итак? Чему обязан? — я принял свою порцию кофе из её нежных рук и похлопал рядом с собой. Мама отбросила журнал, скинула туфельки и упала на кровать, как и я, упираясь спиной в бархатное изголовье. Она тут же обняла меня, прижалась к груди и замурлыкала, упиваясь размеренным сердцебиением.

— Значит, была драка? — мама постучала ноготком по татуировке и недовольно фыркнула.

— Что? Уже, поди, и семейный совет был созван, а ты пришла, чтобы изложить его итог?

— Естественно! Оказалось, что клуб совершенно незащищен, камеры просматривают не всю территорию. А та, что была над складом, уже месяц не работала! — она всплеснула руками и вырвалась из моих объятий. — Илья, это, безусловно, благородно, но ты бы не мог быть более благоразумным? Один против восьми ублюдков? Это перебор был даже для твоего отца! Он, бедный, аж пять капель опрокинул ещё до завтрака.

Я не выдержал и расхохотался, глядя в раздумавшееся лицо мамы. Её беспокойство было таким милым...

— Ладно, ма, зато я девчонку спас, — я сполз с кровати, сделал последний глоток и прямиком направился в душ, думая, что мама не пойдет следом. Но не тут-то было... Она остановилась за стенкой, но дверь полностью закрыть не позволила, чтобы иметь возможность выговориться.

— А что за девчонка? — протянула она, нарочно повышая громкость, чтобы перекрычать водопад душа, в шуме которого я хотел спрятаться от её допроса.

Чёрт... Девчонка. И опять эти глаза цвета жженой карамели. Опять аромат лесной земляники, шелк волос, порывистое дыхание в моих объятиях. Это не девочка, это наваждение!

— Мам, мне уже не пятнадцать...

— Илья, не напоминай мне о дне, когда я мучилась, рожая тебя, пятикилограммового богатыря! — мама со злостью ударила в дверь. — Я знаю, сколько лет каждому из моих детей, а ещё я знаю, что ты навсегда останешься моим мальчиком, даже с пенсионным удостоверением. А значит, и вопросы я буду задавать до тех пор, пока меня не заберет в свой уютный мир беспамятства Альцгеймер.

— Боже, мам, ты тоже хряпнула ещё до завтрака? — я расхохотался и, втолкнув в рот зубную щетку, обернулся в полотенце и вышел из ванной.

— Мы все приняли лекарство тёти Сони, — мама улыбнулась, чуть пропуская румянец смущения.

— То есть, её знаменитой настоечки на бруснике, я пра-

вильно понимаю? — прошел мимо мамы и начал спускаться на первый этаж своего уютного гнёздышка.

— Ну и хам ты... Точно Лютаев! — мама не отставала, цокала каблуками по каменным ступеням, показывая всю степень своего недовольства. — Отец твой раньше вообще с женщинами разговаривать не умел. Каждое слово как удар хлыстом по нежной коже. Резкий, борзый, невоспитанный хам!

— Мать, а вот как ты, девушка искусства, связалась с отшибленным на голову боксёром? — я облокотился на кухонный остров, внезапно осознав, что и правда не понимаю, как так они проигрались в рулетку фортуны, чтобы оказаться вместе?

— А он просто приехал и сказал: «Ты жена моя, Юля!» — мама пыталась передразнить рык моего отца, и я начал ржать, потому что звучало это очень забавно. — Но вообще, я люблю твоего отца.

— Несмотря на чёрствость и неотесанность? Прощаешь, что он засыпает на выставках, бурчит, когда нужно надеть смокинг и бабочку, на которую у него аллергия?

— В эти моменты я люблю его ещё больше, — мама тоже рассмеялась, а взгляд её вспыхнул озорным блеском. — Ну, так что? Ты же не думал, что я забуду свой вопрос? Кто та девчонка, которую ты собственноручно спас из лап бандитов и увез в ночь на машине?

Ну, Савин... Ну, трепло! А с другой стороны, если роди-

тели утром лечились микстурой, значит, и допрос друга был нешуточный.

— Илья! — на помощь мне пришли близнецы, они, как всегда, завопили в голос ещё до того, как открыть стеклянную дверь. — К тебе гости...

— Гости? — я нахмурился, пытаюсь понять, куда смотрят эти двое из ларца.

— Боже! — зашептала мама и начала поправлять свой безупречный трикотажный костюм. — Это она? Я сейчас познакомлюсь с первой девушкой своего сына? Илья, только давай без раннего деторождения? Чуть повремените. Хоть тут будь разумен!

Я не слышал её бормотание, потому что, заметив темную голову, выпал сначала в осадок, потом чуть не выругался матом... По деревянной террасе, вальяжно покачивая бёдрами, вышагивала Алла...

Да мы все уставились на неё, и не из-за неземной красоты, а из-за нелепости наряда. Она была в бархатном платье, на голове — какая-то дикая шляпа с широкими полями, в руках — золотая сумка... Я потряс головой и посмотрел на часы, решив, что проспал сутки, и пришло время вечерних туалетов. Но нет... Стрелки на циферблате показывали восемь утра.

Близнецы хихикали, мама так и застыла с открытым ртом, пришлось даже её толкнуть в бок, пока туда кто-нибудь не залетел.

— Доброе утро, — несвойственно низко произнесла Алла и расшаркалась в неуклюжем реверансе. Мама икнула и звонко щелкнула челюстью, удосужившись лишь кивнуть утренней гостье. — Прошу прощения за столь ранний визит. Надеюсь, я не помешала вашему завтраку?

— Мы уже похавали, — ответил за нас Игорёха и, стырив из вазы два яблока, пробежал мимо этой разряженной мадам Помпадур. — Ма, мы на треню. Илюха, а ты крепись!

Близнецы, встав за спину Аллы, начали кривляться, натягивая футболки на голову, изображая её нелепую шляпу. И мне бы прогнать их, но не получалось. Я просто пялился на бархат её длинного платья, на вечерний макияж, горы нацепленного золота. Она словно сразу надела все самое дорогое, чтобы произвести эффект. И с мамой этот приём сработал... Она громко сглотнула слюну и что-то зашептала себе под нос.

— Мне тоже пора, — мама закашляла, пытаясь вернуть голосу звонкость, но ничего не выходило. Она с опаской протиснулась вдоль стеночки, а когда, как и близнецы, оказалась за спиной Аллы, тоже начала размахивать руками и шевелить губами: «Это она??? Илья, это что, она?».

Но даже если бы я хотел, то не смог бы ответить, потому что до сих пор стоял статуей.

— Боже, как неудобно вышло, — Алла прижала руку к груди, сверкая рядом перстней. — Илья, я что, помешала вам? А это твоя мама? Боже, какая она молоденькая!

Алла, наплевав на условности, напрямик двинула на меня, раскрывая руки для объятий.

Я был в шоке, мой шок был в шоке...

Эта дама с собачкой вырядилась так в восемь утра, рассчитывая застать мою семью за завтраком? Что её большое воображение в её дырявой голове нарисовало? Огромный каменный камин, ряд дворцовых, прислугу в белых фартуках, и унылое напмаженное семейство, на бледных лицах которых бликуют отсветы свечей в высоких канделябрах? Ну а на столе, наверное, шампанское и рябчики под брусничным соусом? Так ей видится моя семья?

Касание её губ было отвратительным. Из-за зубной щетки ей пришлось довольствоваться щекой, но мне хватило и этого. Я отшатнулся, сплюнул в раковину едкую пасту и сполоснул рот, упершись в столешницу, чтобы перевести дыхание.

— Что за цирк ты тут устроила?

— Илюш, я просто хотела познакомиться с твоей семьёй, — протянула Алла, переходя на привычный ей визг маленькой собачки.

Боже, какой я придурок... И вдруг блеск карих глаз снова появился застывшей картинкой, словно намекая, что уж кто-кто, а Мышка знает, насколько я гадкий человек.

— Зачем? — я включил кофеварку, забросил в кастрюлю яйца, поставил ковш для овсянки и обернулся в надежде, что наваждение растворится, но нет...

Алла покачивалась, жадно осматривалась вокруг, шури-

лась, хитро улыбалась, а в глазах её сверкали лишь бабки... Она с какой-то брезгливостью смотрела на то, как я сам, без помощи служанки, варю простой завтрак, сморщилась и прокрутила в руках папку, которую я не заметил сразу.

— Ну ладно тебе, Илья. Почему ты такой холодный? У тебя такая интеллигентная семья, мама галеристка, отец бизнесмен...

А ещё мы завтракаем в трусах и кидаемся виноградом на спор. Кто меньше поймал, тот моет посуду. Мы сами стрижем газоны, сами меняем белье, и носим грязные трусы в постирочную тоже сами! Её выходка была оскорблением. Я просто не понимал, как на это реагировать.

— Алла, ты говори, что хотела, и уходи, пожалуй. А то скоро твоя карета превратится в тыкву, — я не выдержал и рассмеялся. — Ты какого черта вырядилась, как Каренина после поезда?

— Хотела произвести впечатление на маму, — Алла вдруг сверкнула злостью в глазах и почему-то спрятала за спиной ту самую папку, будто передумав отдавать её мне.

— Ну, считай, что с этим ты справилась, — я кивнул на панорамное окно, где у соседского забора уже был созван консилиум: перепуганная мама, воинственно настроенная тётя Кристина и изумленная тётя Соня.

— Боже, я что, переборщила?

— Для дурки самое то. Ну, так говори, чего пришла? — я помешивал овсянку, стараясь не пялиться на её изумрудный

бархат бабушкиного платья. — Кстати, тебя не учили снимать обувь? Или во дворцах не положено, потому что тогда прислуга останется без работы?

— Лютаев, хватит! — Алла сорвала шляпу и бросила свои вещи на стол, а после стянула лодочки и швырнула их к дверям. — А что я должна была делать? Спокойно наблюдать, как ты уходишь от меня?

— Что ты имеешь в виду?

— Не прикидывайся, — Алла вдруг дернула лямку платья, и бархат заструился по её телу, являя чертовски охрнительное нижнее белье. Она готова была на все, лишь бы клеймить меня. Её не смущали ни взгляды посторонних, от нее веяло безнадегой и одержимостью. — Ты мой, Илюша... Ты мой.

— Алла! — я перехватил её руку, поднял с пола платье и задрал его. — Ты что, явилась показать моим родичам, что у нас не просто деловые отношения? А как думаешь, моя мама-аристократка и влиятельный отец обрадуются, что я сплю с замужней женщиной старше меня почти вдвое? Алл, ты что несешь? Какая, к черту, шляпа, какое знакомство с родителями? Ты головой треснулась об лёд?

Меня просто колотило от гнева. Если бы за нами не наблюдали, я бы сейчас же выставил Кобак за дверь, только бы не видеть её кривляний. И вдруг наш затянувшийся романчик пролетел перед глазами. Все началось как шалость... Этакая искрящая игра с приятным финалом. Секс раз в неде-

лю, отсутствие контроля, истерик... Ей не нужен был я, а мне так было проще.

Но сейчас я вдруг заметил то, чего не видел раньше. А может, просто не хотел замечать. Передо мной стояла чокнутая, повернутая на идее-фикс женщина. Она тряслась, скулила и тянула ко мне руки, бормоча под нос бред шизофреника.

— Кобак, уймись! Мы договаривались, что это просто секс! Я скрашивал твоё одиночество, пока нет мужа... И всё! — я психанул, скинул ковш с кашей с плиты и залпом осушил бокал воды. — Никаких знакомств с родителями, никаких отношений... И никакого секса между нами больше не будет. Ясно?

— Вот! Я же говорила! Это все эта гадина... — шептала она, поправляя платье.

— Не знаю, о ком ты говоришь. Алл, просто иди домой и переоденься. Не позорься, я тебя очень прошу, — я сжал её запястье, силой усадил на стул и навис над ней, чеканя каждое слово, чтобы не оставить двойственности смыслов. — НИЧЕГО не будет. Ясно?

— Но я... — Алла вдруг снова схватила документ, осмотрела его, а после рывком сложила и убрала в сумку. — Прости, я, наверное, и правда немного перестаралась. Кстати, Мулин сегодня устраивает какое-то собрание, явка обязательна. Там у соперников кишечный грипп, поэтому график смещается, и у команды внеплановая игра завтра.

Кобак спрыгнула с барного стула и рванула вон из дома.

Она растерянно кивнула моей маме и растворилась за высокой изгородью туй.

Какое же доброе утро...

Чёрт!

Сказать, что я был зол — ничего не сказать. Рванул на второй этаж, быстро переоделся, проверил чат, где Мулин и правда полчаса назад устроил клич о каком-то собрании.

Пулей добежал до тачки и со свистом пролетел мимо сонного Савина, выходящего из калитки своего дома. Он так и застыл в зевке, наблюдая, как я проношусь мимо него.

На кого я злюсь? На Аллу? Но ведь я давно понял, что её отношение изменилось. То рвение, с которым она пыталась привязать меня к себе, должно было давно уже меня отрезать и заставить оборвать эту связь. Её звонки стали настойчивыми, приглашения домой навязчивыми, сообщения ранними. Она даже пыталась спрашивать по вечерам, дома ли я...

Боже, какой же я конченный придурок! А Савин опять был прав. Сто раз прав! Какого черта я не послал Кобак, когда она начала нарушать наши договоренности? Наверное, поэтому, увидев издалека тачку Макса, я рванул в здание, только бы не пересекаться с ним.

Но стоило мне пробежать два пролёта, как я услышал возбужденный, почти надрывный голос Якубовича.

— Илья? — закричал он, увидев меня у лифта.

— Леонид Аркадьевич, простите, но я очень спешу! — лу-

пил по кнопке, всерьез раздумывая о том, чтобы рвануть по лестнице.

— Илья! — Якубович настойчиво звал меня, и мне пришлось повернуть голову. Старик, подкручивая усики, нёсся по коридору административного крыла прямо на меня. Он на ходу затягивал галстук, расчесывал волосы складным гребнем, а лицо было красным, как у переспелого помидора.

— В кабинет! Срочно!

— Но меня Мулин ждёт...

— Мулин тоже у меня, — рывкнул Якубович и замахал рукой, показывая, что мне бы поторопиться.

Я забросил на плечо спортивную сумку и направился следом.

— Что случилось-то? Или сюрприз? — я попытался пошутить, но в ответ получил убийственный взгляд Леонида Аркадьевича.

— Сейчас ты, Лютаев, всё поймёшь, — зашипел Кобак и втолкнул меня в свой кабинет.

Я смог сделать шаг, потому что в следующую секунду на меня уже смотрело три пары разочарованных глаз. И тут я понял, что крепко влип.

Во главе стола сидел Григорий Денисов, заслуженный хоккеист и главный тренер сборной, по правую руку стоял Никита Добрынин, которого я видел лишь на старых записях его легендарных матчей, а по левую руку стоял бледный Мулин.

За спиной хлопнула дверь, в кабинет последним вошёл Якубович и скромно присел на гостевой диванчик, будто бы дистанцируясь от всего происходящего.

— Илья, привет, — Денисов махнул рукой, чтобы я подошёл поближе. — Проходи. Что с бровью?

— Столб зацепил, — брякнул я, а Мулин закатил глаза и начал покрываться красными пятнами.

— Ну, столб, так столб, — Денисов развел руками и даже попытался улыбнуться. — Мы вот с Добрыниным лично приехали отсмотреть ещё парочку претендентов. Выяснилось, что два отобранных ранее игрока травмировались и не смогут приступить к тренировкам, но оказались в самом эпицентре событий.

— Каких событий? — прохрипел я, наблюдая, как Мулин медленно достаёт из кармана телефон, как кладёт его на стеклянный стол и толкает в моем направлении.

Я поднял гаджет и ткнул на треугольник остановленного видео. И вот тогда моё сердце замерло... Запись явно была сделана с камеры видеорегистратора, отсутствовал звук, качество было отвратительным. Но даже это не помешало мне узнать самого себя...

В первую же секунду я, перепрыгнув через лежачего, бросился на беззубого бугая, начинаю лупить его по корпусу. Картинки прошлой ночи стали всплывать потоком комиксов.

Я снова отмотал видео, желая убедиться в своей догадке.

И оказался прав... Ролик был обрезан. Не было там зафиксировано ни того, как они тягали за волосы Мышку, ни того, что я искренне пытался договориться... Я выглядел настоящим зверем, сходу бросающимся на людей.

— И что это? — я усмехнулся и сбросил на пол сумку, что стала тяжелой ношей.

— Ну, это ты нам расскажи, — подал голос Добрынин и подошел ко мне ближе. Он внимательно осмотрел бровь, и мне даже показалось, что на его губах сверкнула улыбка. — Расскажи всё, как было, парень. Только честно...

— Мы отмечали день рождения... — я решил не говорить в лоб Добрынину, что случилось все это на дне рождения его сына. — День рождения друга...

Добрынин понятливо кивнул и снова отошел за спину Денисова.

— Я пошел к ангару, чтобы договориться о гоночных тачках, услышал крик. Естественно, я побежал туда. Смотрю, а быки прессуют девчонку. Вот я и вступился. Ну что, мне нужно было пройти мимо? Если я и напал на кого первым, то на того, кто уже лежит на этом видео. Он за волосы девчонку тягал, телефон её пытался забрать. А с другими я правда пытался договориться. Это обрезанное видео...

В кабинете воцарилась тяжелая тишина. Я буквально каждой клеткой кожи ощущал давление, воздух стал горячим, он кипятком шпарил слизистую, а внутри закипала ярость.

Я ненавидел оправдываться... Возможно, я оказался

сильнее, но что мне было ещё делать? Я был один, а их восемь. Прояви я хоть каплю слабости — они бы сломали и меня, и Мышку...

— Ну, вы же понимаете, что ни одна драка не начинается просто так? — я снова заговорил, смотря в глаза Мулину. — Но я был не один... Ну спросите Мы... Марию.

— Какую Марию? — Мулин вздрогнул, хватаясь за этот факт, как за соломинку надежды.

Я снова мотанул видео, но оказалось, что ракурс был такой, что Мышка и вовсе в кадр не попала, ведь я завел её себе за спину. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

— Она у нас уборщицей работает, — я повернулся к Якубовичу, впервые опустившись до умоляющего взгляда.

Леонид Аркадиевич нехотя достал телефон, набрал Светлану и попросил привести Мышку. Этот индюк важно цокал языком, вздыхал, словно я — пятно позора на его команде.

Минуты тянулись медленно. Слышал стук своего сердца, пытался уgomонить пульс и успокоиться. Да, сейчас я вынужден оправдываться, но ничего страшного. Будет мне уроком...

В кабинет тихо постучали. Я рывком обернулся, наблюдая, как испуганно входит Маша. Она ещё была без формы, смотрела в пол, ковыряла перемотанные после вчерашнего пластырем ногти. Вид у неё был перепуганной птички, пойманной в клетку.

Через мгновение снова раздался стук, и в кабинет вбежала

запыхавшаяся Алла. Она уже успела сменить вечерний туалет, которым сверкала утром в моем доме, и только зеленые блески до сих пор переливались на её удивленном лице.

Она была, мягко сказать, ошарашена составом присутствующих. Быстро кивнула в знак приветствия и села около отца, пытаясь узнать причину собрания. Но Якубович впервые на моей памяти шикнул на дочь, и та присмирела.

— Машенька, здравствуй, — произнёс Кобак и поднялся, протягивая ей свой телефон, очевидно, с тем видео. — Вот... Илья утверждает, что это недоразумение произошло случайно. Он просто вступился за тебя... Это правд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.